

Глеб Соколов

Ставок больше нет

Глеб Соколов

Ставок больше нет

«Автор»

Соколов Г. С.

Ставок больше нет / Г. С. Соколов — «Автор»,

© Соколов Г. С.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1.	5
2.	9
3.	12
4.	14
5.	18
6.	21
7.	23
8.	25
9.	27
10.	32
11.	36
12.	39
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	43
13.	43
14.	45
15.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глеб Соколов

Ставок больше нет

*Я ничего не утверждаю, я лишь наталкиваю вас на мысли, к
которым пришел сам*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

В Москве проживают в данный момент по сухим цифрам статистики одиннадцать миллионов человек. На эти одиннадцать миллионов приходится одиннадцать тысяч зданий. Если поделить первую цифру на вторую, получится: на одно московское здание приходится тысяча связанных с ним людей.

Другие статистические данные говорят: ежедневно в Москве умирает три с половиной тысячи человек. Если опять-таки поделить количество смертей на число столичных построек, окажется – в день на три здания приходится одна смерть.

Три тысячи человек, проживающих в трех стоящих по соседству зданиях не отдают себе отчета – в каждый новое наступающее утро, когда яркое солнце заливают светом дворы с припаркованными в них новенькими автомобильчиками, один из них готовится навсегда покинуть лучший мир.

Наступит число календаря – и очередной человек станет жертвой смерти, принесет новую смерть в череду московских покойников.

* * *

Кремль – это тоже здания, причем очень плотно заселенные. На территории средневековой крепости расположено около двух десятков построек. Согласно статистике, в ноябрьский день одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года на них вместе со всеми обитателями должно было придти две смерти...

Ровно две. Математика – строгая штука. Она никогда не дает погрешности, кроме той, что заранее учтена.

* * *

Маленький сгусток белковой материи, бежавший по толстой, шевелившей мелкими ворсинками трубке, неожиданно ускорился и за короткое расстояние успел разогнаться так, что когда он воткнулся в сероватое, чуть припухшее пещеристое тельце, оно вздрогнуло и выпустило в окружающее пространство облако черного дисперсного вещества.

Точно бы в аэродинамической трубке задул ветер... Черные капельки, как живые, рванулись по узкому каналу вниз, их было много, какой бы объект не встречался на пути – в каждый они вонзались, проникали глубоко внутрь...

После этого встреченные черными капельками «объекты» начинали часто и мелко дрожать, их корчила судорога, заканчивавшаяся коротким, мощным рывком – словно попыткой

оторваться от навсегда заданного места, на котором они были укоренены. После чего «объекты» обмякали и сдувались...

– А-а... Я... Мне... Помогите... – пассажир троллейбуса, подъехавшего к остановке рядом с Центральным телеграфом нелепо выгнулся, отпустил портфель – тот с глухим стуком упал на пол, попытался освободившейся рукой зацепиться за поручень, но она ухватила лишь воздух...

– Помогите, человеку плохо! – истерически взвизгнула какая-то девушка в дурацкой синенькой беретке. Она стояла относительно далеко, но зрелище смерти произвело на нее тяжелое впечатление.

Было уже поздно... Гражданин, запрокинув руки, падал в проход. Только что в троллейбусе было тесно, но когда он принялся хрипеть, стоявшие вокруг люди инстинктивно посторонились, почтительно освобождая место новой, незваной пассажирке...

Последнее, что успел подумать умиравший гражданин: «Если бы не лишняя чашка кофе, если бы не пробежка до подъехавшего к остановке троллейбуса... Ведь предупреждали врачи!»

Водитель, – поджарый, мускулистый дядька в старенькой клетчатой кепке, – сидя за большим круглым рулем в своей кабине не оборачивался и ничего не знал. Он ждал, пока в салон набьются все желающие. Глаза равнодушно смотрели вперед, на то, что видел тысячи раз – башни Кремля, краснокирпичные стены с причудливыми зубцами...

Внутри умершего, в потайных трубках и камерках его тела постепенно воцарялась тишина. Черное дисперсное вещество уже рассосалось по тканям, белые тельца оседали на дно сосудов. Серые, еще недавно пульсировавшие в такт бившемуся сердцу горки, опадали и скукоживались... Троллейбус все не отправлялся. Он замер, словно давая невидимому счетчику время, необходимое, чтобы отсчитать очередную жертву.

* * *

Генеральный секретарь коммунистической партии, член Политбюро, председатель Президиума Верховного Совета Брежнев стоял возле окна и улыбался. Ни к кому не обращенная улыбка, – он был в кабинете один, – исполнена лукавства.

В последние дни руководитель Советского Союза чувствовал себя значительно лучше. Брежнев крикнул, затянулся сигаретой, не спеша выпустил дым из легких. Советский народ – простодушный ребенок. Его руководитель теперь не много старше Иосифа Сталина. Тому, когда умер, было семьдесят четыре. Леониду Ильичу полных – семьдесят пять!.. Разницы – всего год. Никто же не считал Сталина слишком старым, чтобы руководить государством!.. Тысячи граждан охотно заплатили бы жизнью, чтобы Вождь правил еще хотя бы лет пять – десять.

Брежнев припомнил охоту, в которой участвовал в прошедшие выходные, – состоялась рядом с его резиденцией в Заречье. Сам он за зверьем не гонялся, из ружья не палил – медики рекомендовали воздерживаться от физических перегрузок – с азартом «болел» за охотников. «Вот это было здорово!»

Леонид Ильич еще раз крикнул и счастливо зажмурился.

Все думают: дряхл, цепляется за власть!.. «Да знали бы: у меня всегда было бычье здоровье!.. И власть мне не нужна. Несколько лет пытаюсь уйти от нее!.. Снять с себя госношу... Но я, видишь ли, всем нужен!»

Легкие Брежнева опять потянули сигаретный дым. Вдруг какая-то плохо осознанная тревога пробежала по лицу. Показалось, что сигарета погасла.

«Плохая примета!..» – вздрогнул он. С беспокойством уставился на тлевший кончик: ровный столбик пепла. Нет, все в порядке!.. Горит!..

* * *

День выдался пасмурный, неудобный. По серому московскому небу тащились облака, – рваные края чуть задевали шпили Кремлевских башен, маковки древних соборов.

Союз Советских Социалистических Республик проживал финальное десятилетие. Пройдет не так много времени, – над зеленым куполом бывшего Сената, построенного в восемнадцатом веке архитектором Казаковым, исчезнет красный флаг. Но пока кроваво-красное полотнище реет, пронизываемое холодным ветром... Горе и смерть тому, кто покусится снять его.

В здании находятся Президиум Верховного Совета, Совет Министров СССР. Купол и флаг отлично видно с Красной Площади, – торчат из-за зубчатой кремлевской стены между Сенатской и Спасской башнями, – символы советской государственности, хорошо известные каждому советскому телезрителю.

* * *

«Тьфу ты, черт!.. Вот же, мнительность!..» – с огорчением подумал Леонид Ильич. Тут же, взяв себя в руки, опять лукаво усмехнулся. «Разве советский руководитель может позволить себе быть мнительным?!..» – подумал Брежнев, и глянул за окно, на отсыревшие кремлевские постройки.

Он сделал несколько шагов по кабинету. Непонятная тревога медленно, но неумолимо вползала в душу.

Противясь ей, начал анализировать.

«А ведь мне здесь всегда было неудобно!.. Лучше было в Молдавии – там виноград, солнце, вино. Или в Казахстане – жаркая Алма-Ата... Недаром цари из Москвы съехали...» Он мысленно представил залитые солнцем улицы среднеазиатского города. «А здесь... Что же произошло перед ноябрьскими?!.. И ведь не расскажешь никому!.. Даже Вите не расскажешь.»

Витя – Виктория Петровна – жена Брежнева.

Страхнул пепел. Неожиданно затушил сигарету в пепельнице. Брякнул на стол портсигар, достал следующую.

Изумительной красоты перстень на правой кисти сверкнул, отразив проникший через окно луч солнца, проглянувшего через облака. Драгоценность подарил в семьдесят шестом к юбилею сын Юрий, но слухи крепко привязали к перстню Алиева, – так и высматривают теперь: каков он, дар азербайджанского царедворца. Мол, дряхлый, властолюбивый любитель побрякушек Леня принял подарок!..

Брежнев прикурил от зажигалки. Затянулся, выпустил дым. Все-таки советские люди несправедливы к нему. Глянул бы на иного гражданина помоложе, – что бы с ним было, рухнул на него, как недавно в Узбекистане на Леонида Ильича целый помост с десятками людей...

Якобы дряхлый Брежнев, с трудом извлеченный охраной из-под обломков, продолжил работу. И вручил республике орден!.. Только страницы доклада переворачивал левой рукой. Потому что правая ключица – сломана...

«Все! Сейчас поеду домой, к Вите!» – вдруг подумал Леонид Ильич, шагнул к выходу из кабинета. – «Там природа, безопасность!» Паника – беспощадная, стремительная и почти необъяснимая овладевала им. Руки его затряслись, в ногах появилась слабость, которой еще несколько мгновений назад не было в помине. Генсек безвольно выронил горящую сигарету, – она упала на пол. Тут же Брежнев наступил на нее каблуком. Вспомнил, что оставил на столе портсигар, повернулся, шагнул за ним, услышал за спиной шорох.

Успел подумать: «Ведь члены Политбюро сами рекомендовали сократить рабочий день!» Так и не схватив со стола портсигара, резко обернулся...

То, что Брежнев увидел, заставило все его естество чудовищно вздрогнуть...

* * *

Есть только одно свидетельство – намек. Но оно прошло незамеченным. Этой же ночью, под утро, он скончался.

2.

В наши дни

За Москворецким мостом начинается набережная, которую можно считать главной в столице. Она называется Кремлевской и вид ее чаще других тиражируется на открытках. Иногда набережная появляется на экранах. Как правило при этом рассказывают о событиях в Кремле – центре политики великого государства, по сути – лишь старинной крепости шестнадцатого века, у которой есть стены, башни, ворота и засыпанный ров.

Ближе к мосту стоит Беклемишевская, затем две Безымянных, Тайницкая, Благовещенская, Водовзводная...

Антон Рубцов, недавний выпускник МВТУ имени Баумана, специалист по электронным технологиям, сотрудник московской IT-компании, поднял глаза к небу: тучи, тучи... Конца и края им не будет!.. Словно стада грузных, неведомых науке животных, тащатся по небу над центром Москвы, едва не задевают своими мохнатыми подборюшками острые шпили на кремлевских башнях.

На набережной выстроились длинные ряды машин – начало седьмого, самое время для пробок. Народ катил из офисов по домам.

Четверть часа назад закончил рабочий день и Антон. Только провел его не в офисе родной компании, а у заказчика – на территории Кремля, в помещении одного из музеев. Их «контора», как именовали между собой Рубцов и его приятели компанию-работодателя, заключила договор на выполнение работ по оцифровке одной из коллекций. Необходимо создать имиджи экспонатов и сохранить их на долговечных электронных носителях.

Сегодняшний день – третий, который Антон провел в московском Кремле. Припомнилось утро. Из-за него Рубцов торчал теперь между двумя Безымянными, поглядывая на следующую башню – Тайницкую, задаваясь вопросом: с чего такое название? Какую тайну скрывает краснокирпичное сооружение, похожее на вытянутый вверх старомосковский терем?..

* * *

Сероватое, чуть припухшее пещеристое тельце содрогнулось так, что еще немного – оторвется от стенки полого ствола, на котором существует. Сгусток белковой материи пробил его едва ли не насквозь. Несколько мгновений ничего не происходило. Затем пещеристое тельце принялось стремительно набухать, изменяя при этом свой цвет с серого на красноватый. Через несколько секунд его рост остановился... Потом оно вдруг принялось скукоживаться столь же быстро, как и распухало до этого.

Сидоркин, немолодой человек, числившийся в штате кремлевской администрации на должности советника, лежал распростертым на хирургическом столе под мощной бестеновой лампой. Бригада хирургов, экипированных по лучшим западным стандартам, производила рядовую операцию.

Никаких сложностей приступая к ней врачи заподозрить не могли.

Но когда Сидоркину вскрыли брюшную полость, оказалось: первоначальный диагноз, с которым он поступил для операции в кремлевскую больницу – неверен.

Иван Никитич почувствовал себя плохо, находясь не в Москве, а на отдыхе – на одном из прекрасных греческих островов, где на берегу солнечной лагуны – одноэтажные домики фешенебельного туристического отеля. Он долго не хотел прерывать отпуска, однако в конце-

концов был отправлен на маленьком круизном судне на материк, где в больнице местными врачами было сделано срочное обследование. Оно показало – необходима операция. Делать ее в Греции Иван Никитич отказался. Полагал, что врачи элитного медицинского учреждения, к которому прикреплен – справятся с ней лучше. На переезд в Москву было потеряно еще время...

Хирург, осматривавший Сидоркина в приемном покое, принял решение: оперировать немедленно. Помимо собственного опыта российский врач располагал заключением греческих коллег, – оно и сбило всех с толку...

– Черт! – выругался хирург. – Гляньте сюда!..

Помощник склонил голову, – внимательно рассматривал то, что было теперь под руками хирурга. Если бы лицо молодого мужчины не закрывала специальная маска, он бы, наверное, не удержался и присвистнул.

– О-па!.. – проговорил он.

– Идиоты! – обругал греческих коллег хирург.

Внутри Сидоркина, чье сознание было отключено наркозом, происходила трагическая борьба...

Сероватое тельце, которое уже скукожилось и стало даже меньше, чем вначале, неожиданно было атаковано несколькими белковыми сгустками. Опять та же реакция – тельце напряглось, пытаясь переварить непрошенных гостей. Но вот на огромной скорости в него врежется очередной сгусток... Тельце вздрогнуло, выбросило в полый канал множество капелек черного дисперсного вещества... Иван Никитич не шевелился. Его отключенное сознание равнодушно к происходившему. Капельки неторопливо потекли дальше, процесс их всасывания стенками канала был медленным, неотвратимым...

Финал можно было предсказать...

* * *

На третий день Антону предстояло оказаться в крепости через проездные ворота Боровицкой башни. Станция метро, площадь, Манежная улица – места знакомые всем, если даже побывал в столице один единственный раз. Оставалось совсем немного – вот-вот по неширокому тротуару между чугунной оградкой и фонарными столбами пошагает прямо к полукруглой арке... Взгляд приковала непонятная сцена.

Новенькое «вольво S80» резко затормозило. Для катившей следом автомашины багажник «шведки» чудом не стал ловушкой. Слава богу в уличном заторе скорость невелика. Раздраженный сигнал резко оборвался: задние дверцы «вольво» распахнулись с силой, – будто их отбросил в стороны мощный взрыв. Антон замедлил шаг, почти остановился. Все сделал невольно. Продолжение не заставило ждать.

Из дверей в разные стороны (обстоятельство шокировало больше всего), прямо по проезжей части, мимо машин, – те экстренно оседали на передние рессоры, – кинулись мужчина и женщина. Господин показался Антону не молоденьким. На самом деле – вряд ли больше тридцати. Она... Возраст определить затруднялся. Могло и двадцать два, и тридцать. Скорее всего – выглядит старше своих лет. Шатенка, длинные волосы, необыкновенно красива, ярко накрашенные губы, отлично сшитый, из дорогой материи деловой костюм – юбка и жакет. Строгие простые сапожки. Сразу появлялась мысль: продукция ведущего дома обувной моды. Что-нибудь вроде известного Стива Мэддена На пальцах, – Рубцов сумел разглядеть и это, – бриллианты в золотой оправе. Сверкнули!.. Надетое поверх костюма пальто, – от «Эн Тейлор»? – не застегнуто. Концы тряпичного пояса болтались в разные стороны. Одна рука – в лайковой перчатке. Вторую, пробегая мимо Антона, красавица уронила.

Мужчина был в строгом костюме, – ни пальтеца, ни легкого плащика. Рубашка сверкала белизной, бросался в глаза яркий галстук. Кинулся бежать с такой скоростью, – через несколько мгновений Рубцов потерял его из виду! К красавице мужик даже не обернулся. Да и она бежала, словно в затылок дышал маньяк из «Улицы вязов». Взгляд Антона перескочил на автомашину. «Вольво», хоть и резко тормозило, остановилось лишь на мгновение, – вновь ехало. Впереди – свободное пространство. Колеса бешено закрутились. Двери сами собой захлопнулись. Шедшее следом авто тронулось с места значительно спокойнее. И не зря.

«Вольво» опять резко затормозило. На этот раз встало как вкопанное. Распахнулась водительская дверь. Выскочивший человек явно был шофером: простецкая физиономия, мешковатый недорогой костюм, галстучек расцветки, вышедшей из моды пять лет назад, – типичный наемный трудяга. «Не хозяин авто!» – заключил Антон. – «Для хозяина простоват!.. Хотя...»

Дикими прыжками, шарахаясь отдвигающихся машин, водитель ринулся к тротуару.

В воздухе повисло чудовищное напряжение. Пешеходов поблизости не было. Но люди, с небольшой скоростью проезжавшие мимо на автомобилях, пугались догадок: неужели рванет?!.. Иначе зачем выскакивать и кидаться наутек?..

Несколько секунд, еще секунда... Время замедлило ход. Взрыва не было. Ни дыма, ни клубов огня – ничего! Водитель, добравшийся до тротуара, проскочивший по нему с полдесятка метров, неожиданно остановился, развернулся, теперь уже не такими странными прыжками, но опять – наперерез двигавшимся машинам, поспешил обратно к брошенному «вольво». Влез внутрь, хлопнул дверцей, как ни в чем не бывало поехал дальше.

В дорожном заторе как раз в этот момент возникло шевеление, через несколько минут автомашина странных пассажиров исчезла из глаз. Нигде не видно и сбежавшего господина. Скрылся за углом здания. Лишь красавица маячила чуть поодаль. Уже перешла с бега на шаг, вот-вот могла стать неразличимой за деревьями Александровского сада.

Антон решил в доли секунды: он очутился возле оброченной печатки, поднял ее с земли, кинулся за незнакомкой.

3.

Возле станции метро «Южная» царило обычное для шести вечера оживление. Из пары подземных переходов, служивших одновременно выходами из метро, вываливалось множество народа. Кто неспеша, держа в руках увесистые пакеты, кто – налегке, в полуспортивной обуви, попивая пиво, кто – деловито, словно опаздывая на важную встречу, с портфельчиком в руках.

Из одного из выходов прямо к двери кафе выбрался в дрезину пьяный мужик. Еще поднимаясь по лестнице он хватался двумя руками за перила, с трудом преодолевал ступеньки. В дверях перехода, качаясь и норовя упасть, простоял не меньше минуты.

Парень и две девушки, кутившие неподалеку от входа, обратили на него внимание: перестали болтать... Под их взглядами дядька отцепился от двери, шатаясь преодолел несколько шагов, теряя равновесие и оттого очень резко взлетел вверх по маленькой лесенке, рухнул на асфальт. Пытаясь встать, уже на карачках, продвинулся на метр, окончательно сдался... Словно солдат под обстрелом прополз еще метр. Затих, что-то промычал.

Из кафе попыталась выйти посетительница. Но дверь едва открывалась – лежавший мужик перегородил вход. Та, что в кафе, повернулась и с мольбой посмотрела на работника общепита...

В то же самое время из этого же подземного перехода на другую сторону неширокой улицы шатаясь и горланя песню выбрался еще один мужик. Он двигался гораздо бодрее, но зацепился ботинком за последнюю ступеньку, рыбкой пролетел вперед, рухнул на асфальт, расшиб в кровь лицо. С трудом перевернувшись на спину, раскинул руки. Секунд десять лежал неподвижно. Потом начал громко ругаться... Взбрыкивая ногой пьяный мужик пытался достать проходивших мимо людей. Девушки взвизгивали, тетки, нелепо дергаясь, отскакивали в стороны. Мужики огибали опасный «объект» более степенно, словно не замечая его. Связываться с пьяным идиотом никто не хотел.

Через несколько минут об обоих пьяных стало известно милиционеру, находившемуся в переходе у выхода из метро. Несколько мгновений он раздумывал, как ему поступить, а потом получил информацию, что на другой стороне площади у одного из выходов валяется двое пьяных, а у другого – целых три...

Новая информация ввергла милиционера в еще большие раздумия, а когда закончил их, ему стало известно, что к первому пьяному мужику, которого еле отволокли от дверей кафе присоединилось еще двое. И оба рухнули ровно напротив двери... Так что теперь никто не мог ни войти в заведение, ни выйти из него. Сержант задержался. Не знал куда бежать... В разных частях площади одновременно валялось девять пьяных мужиков. Это походило на анекдот, но милиционеру было почему-то не до смеха. Он связался со старшим.

Чутье, которое никогда не обманывало его, подсказывало сержанту: этим вечером он столкнется к какой-то огромной бедой. У него мурашки побежали по коже. Десять секунд быстрым шагом – и он может столкнуться с чем-то, что разрушит его жизнь...

* * *

Антон продолжал вспоминать утро...

Бежал он тяжело, громко топоча ботинками на толстой рифленой, как говорила его мама, «туристской» подошве. Услышав топот, красавица резко обернулась, – к этому моменту уже остановилась, вытащила из кармана пальто сигарету, зажигалку «Ронсон», собиралась закурить.

– Ваша перчатка! – выкрикнул он прежде чем она успела испугаться.

Если вообще была способна испугаться в подобной ситуации.

Вдруг улыбнулась... Рубцов не мог решить – была ли эта улыбка искусственной. Ему хотелось верить: его жест вызвал искренние эмоции. «Она была чертовски хороша!» Так, кажется, говорили в прошлом. Почему-то он об этом подумал. О прошлом...

Она хотела взять перчатку, но руки заняты сигаретой и зажигалкой.

– Сейчас, секундочку!.. Вам не трудно мгновение подождать!.. – сказала незнакомка.

– О-о! Хотя целый час! – радостно воскликнул Антон.

– Я могу вернуть вам перчатку вечером. В семь часов. Возле обелиска в Александровском саду, – тем не менее сказал Рубцов. Интуитивно догадывался – нахальство будет воспринято нормально. Но на встречу почти не надеялся.

– Перчатку можно вернуть и сейчас, – спокойно сказала она, убирая зажигалку в карман. – Зачем же ждать семи... И даже не семи, а семи пятнадцати!..

«О-па! – возликовал про себя молодой человек. – Получилось!»

– И не в Александровском саду. А возле двадцать первой башни Кремля...

– Двадцать первой? – промямлил Рубцов, приходя в некоторое замешательство.

– Ну вы-то должны знать, какая это? – с улыбкой произнесла она и глубоко затянулась дымом. – Слушай, давай на «ты». Мы же ровесники... Не удивляйся. Я видела тебя в Кремле.

– Точно! – к чему относилось это слово, он и сам не мог сказать. – Но я тебя...

– Не обратил внимания?!.. – красавица рассмеялась. – Вот как!.. Значит, мне надо было потерять перчатку, чтобы ты меня заметил?

– Да вообще-то вы там не только перчатки теряли... Этот твой... Как его... Спутник... Который в машине... И ты... А потом шофер...

– Давай сейчас не будем об этом, – серьезным тоном оборвала она.

– Но ты мне расскажешь? – зачем-то начал настаивать Антон.

Она поморщилась.

– Возможно... Давай постоим еще немного... Ты ведь не спешишь?..

– Нет...

На самом деле он опаздывал.

Она замолчала, куря и вглядываясь в площадь за его спиной. Молодой человек не говорил ни слова.

– Ну все!.. Я пойду, – вдруг произнесла она. – Не провожай меня. Чао!..

Девушка развернулась и быстрым шагом пошла прочь.

Он хотел догнать ее, но решил, что это глупо... К тому же, стоило поспешить к заказчику. Если работники кремлевского музея пожалуются шефу в «контору» на опоздания, – ему не сдобровать...

* * *

«...Черт его знает, где эта двадцать первая башня!» – в раздражении размышлял Антон. До назначенной встречи оставался почти час, но он был уверен – и к четверти восьмого не будет знать, в каком месте ожидать красавицу. Ведь как ни крути, башен в Московском Кремле только двадцать.

«Мы даже не познакомились!» – все больше злясь на себя думал он. – Посмеялась надо мной, как над дурачком. Но откуда же мне было знать, что башен ровно два десятка!»

Но от кремлевской стены Рубцов, тем не менее, не удалялся. Как бы там ни было, знал наперед – и в половину восьмого, и в четверть девятого будет болтаться вокруг Кремля, надеясь на встречу с незнакомкой. От выхлопных газов, которые распространяли стоявшие в пробке автомобили, в затылке началась пульсирующая боль.

4.

– Совершенно очевидно, все трое: Брежнев, Андропов и Черненко умерли не так, как это было представлено советским гражданам в средствах массовой информации. Все полагали: престарелые лидеры один за другим «перекидывают ноги». Политбюро действительно было очень старым и объяснение выглядело разумным и единственным подходящим...

Молодой мужчина, – фамилия его была Рудалев, – окинул взглядом просторный зал, в котором находились.

Его пожилой собеседник и руководитель – Гараничев – заметил:

– Что, впечатлен?.. – в голосе зазвучало самодовольство. Явно испытывал наслаждение: сам здесь не в первый раз, уже привык к роскоши.

Гараничев взял со столика фужер коньяку «Курвазь Империял», сделал приличный глоток.

– Еще бы! – откликнулся Рудалев. – Такого не видел!.. Впрочем нет, конечно, все это... – он обвел руками густой сад, состоявший из редких тропических деревьев. – Похоже на то, что встречаешь на курортах. В жарких странах. Но здесь... Такое количество пальм, редких растений!.. Если бы увидел на цветной фотографии, честное слово – подумал: это участок буйных африканских джунглей... Нет никакого различия!

Вдруг он замер. В голову пришла неожиданная мысль: тропический лес – не только сосредоточие экзотических растений, рай для ботаника, но и место, где человека поджидают опасности.

В Зимнем саду Кремля произрастало около двух тысяч тропических растений. Более ста видов. Системы кондиционирования поддерживали температуру и влажность воздуха на требуемом уровне. В некоторых углах растения произрастали так плотно, – ветви и широкие листья образовывали густую тень, почти мрак...

– Здесь особая роскошь! – как бы вторя мыслям молодого гостя

заметил Гараничев. – В Москве появилось немало дорогих, обставленных за миллионы долларов, мест. Но это остается непревзойденным. Создавалось, чтобы всей атмосферой, каждой деталью подчеркивать могущество, каким не может обладать один человек. Только великая страна... Каждая мелочь задумывалась и исполнялась на государственном уровне. Обрати внимание на кресло, на котором сидишь!.. Мебель уникальна. Сделана по заказу с особой тщательностью... Люди, трудившиеся над изделиями, знали – работают на Кремль. Такого старания, как было у них тогда, не купишь за миллионы баксов!

Рудалев взглянул на расставленные по залу столики, кресла вокруг них.

– Уверяю тебя, этот набор склеенных деревяшек особо ценных пород эквивалентен по стоимости новенькому «мерседесу» люксовой модификации... Между прочим, в твоём кресле сидел председатель Совета министров Италии. Переговоры с ним проходили здесь. Наш президент знал: гость – страстный садовод, обожает всякую экзотическую флору.

– Теперь я знаю, что чувствовали цари! – воскликнул Рудалев.

В Зимний сад, расположенный на втором этаже, попал из западной части Владимирского зала Большого Кремлевского дворца. Там был специальный переход. Сам Владимирский зал произвел неизгладимое впечатление. В нем по традиции подписывались внешнеполитические документы СССР, потом – Российской Федерации. Он соединял дворец девятнадцатого века со средневековыми постройками.

– Цари к Зимнему саду не имели отношения. – возразил Гараничев. – Посмотри... Разве интерьеры можно отнести к позапрошлому веку?.. Конечно, при царях в Кремле тоже пытались создавать, и небезуспешно, сады. Но этот – возник при Никите Сергеевиче!

– Хрущеве?

Рудалев вновь взирал на раскидистые пальмы, изящные олеандры, стройные кипарисы и тонкие папоротники.

– Да... Говорят, ниша в стене, где бьет фонтан, создана по его личному указанию...

Рудалев взглянул, куда показывал собеседник: в основании ниши плескался бассейн с золотыми рыбками. Полукруглая выемка украшена цветной и золотистой мозаикой, в центре маленького искусственного водоема – остров...

Он не удержался, встал, в несколько шагов преодолел расстояние, отделявшее от рукотворного чуда.

Гараничев неспеша поднялся со своего кресла, пошел следом.

Крупные глыбы разноцветного хрусталя уложены в горку. Ровный свет исходил снизу, искрясь в бьющей вверх струе воды.

– Тот факт, что сад создан при Хрущеве, не случаен... Как помнишь, Никита Сергеевич обещал: к восьмидесятому году в СССР будет коммунизм.

У меня до сих пор хранится изданный тогда школьный учебник племянницы. В нем черным по белому написано: к этому времени будут бесплатными квартиры, городской транспорт, обеды на работе и в учебных заведениях. У Зимнего сада – особое название: держали в тайне, чтобы не провоцировать ненужных кривотолков... «Сад Коммунизма»! Предполагалось, такими будут жилища советских людей. Роскошь, тропические растения, стены из стекла, хрустальные острова, фонтаны... Все – посреди суровой российской стужи!

Чешуя рыбок переливалась, добавляя красок к экзотической цветовой гамме.

– Здесь должна играть особая психоделическая музыка, расслабляющая человека, поднимающая над суетой... – добавил Гараничев. – Музыку тоже как-то незаметно упразднили.

– Здесь и без нее роскошно! Небось, материалы для этого чуда света выписывали за нефть-доллары... Откуда-нибудь из Италии?

– Ничего подобного: все наше!.. – с гордостью ответил собеседник. – Мрамор на стенах – уральский и баландинский, пол – из джархечского конгломерата – Армения... Стекла, – одна из стен сада полностью прозрачная, – изготовлены в том же НИИ, который сделал особый прочный колпак над телом Ленина в Мавзолее... Мы должны разобраться во всем трезво. Ты слишком увлечен сенсационной версией. Молод, молодые падки до таких вариантов...

– Значит, Сад Коммунизма?.. – перевел разговор на другую тему Рудалев.

– Самый роскошный, самый странный сад, который существует в мире!

– Точно! Сад для тех времен, когда даже ювелирные украшения из золота и бриллиантов станут бесплатными!

* * *

Звук мобильного Антон не слышал. То, что кто-то пытается до него дозвониться, понял лишь благодаря отчаянным вибрациям, – в них содрогалась его новенькая модная трубка фирмы «нокиа».

«Какой, однако, у нее мощный вибровозвон!» – подумал Рубцов и вытащил телефон из кармана.

– Алло...

Несколько мгновений в ответ не доносилось ни звука. Взгляд молодого человека направлен вдоль Кремлевской стены: кирпичная кладка выглядела аккуратно и не производила впечатления древности.

– Ты у «Южной»? – неожиданно спросила «трубка».

Это был голос матери.

– Нет. Я еще на работе... – соврал Антон.

В конце-концов, находишь он по другую сторону краснокирпичной кладки, можно было бы считать, что он по-прежнему на трудовом посту – в Кремле.

– Слава богу!.. – произнесла она. – Как здорово, что ты еще не доехал!..

Дом, в котором Рубцов жил с родителями, находился в десяти минутах ходьбы от станции метро «Южная».

– Что случилось? – Антон и не пытался скрыть тревогу, которая охватила внезапно.

– Здесь... – начала мама, но в следующую секунду связь неожиданно оборвалась.

В трубке зазвучали короткие гудки.

– Что за черт! – в сердцах выругался Антон.

Он нажал кнопку на клавиатуре. Номер матери принялся набираться автоматически. Прошло некоторое время и голос оператора, записанный на электронный носитель, сообщил ему стандартную фразу: «Абонент выключен или находится вне зоны...» Антон набирал маму вновь и вновь, но тщетно – связь не устанавливалась.

«Что, черт возьми, там происходит?! – пронеслось у него в голове. Рассуждать логически было трудно, но, как ни был взволнован, он пытался это делать. – Раз она спрашивала, успел ли я добраться до «Южной», значит, возле метро что-то произошло. Но сама она не возле станции. Дома!.. Получается, узнала о происшествии по телевизору. Что же должно было произойти, чтобы об этом сообщили в новостях?!»

В прошлом веке

Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов сидел за полированным столом в своем кресле и работал с документами.

Перед ним лежал проект постановления Центрального Комитета, раскрытый на второй странице. Время – позднее. Почувствовав усталость, Андропов отложил красный карандаш в сторону, откинулся на спинку и прикрыл глаза.

Он глубоко вздохнул. Захотелось подумать о чем-нибудь приятном. Вот уже год, как этот кабинет принадлежит ему. Теперь он здесь не гость, – хозяин! Последний раз живым видел Леонида Ильича именно здесь... В следующий раз Брежнев предстал перед ним уже мертвый – на Подмосковной даче в собственной постели.

«Хотел подумать о хорошем, а сам...» Юрий Андропов открыл глаза. Ни что в этих стенах не говорило о прежнем владельце. Отличная, по высшему разряду, отделка. Прекрасная мебель... Как чувствовал себя здесь Леонид Ильич?

Что же касается его, Андропова, то он на новом месте испытал прилив сил. Даже болезнь почек, которой страдал длительное время, беспокоила меньше прежнего.

Перед самой смертью Брежневу пытались внушить: его «любимчик Юра» не способен занять высший пост в государстве именно по состоянию здоровья. Ерунда! Правильное лечение, современные лекарства, режим, – а главное – огромный взрыв энергии, связанный с новым назначением, выше которого не может быть ничего – исполнение мечты всей жизни. В такой ситуации болезнь отступает!

«Я просижу в этом кресле дольше, чем Брежнев!» – подумал Андропов и усмехнулся. Мысль развеселила. Припомнились анекдоты, рассказываемые про предшественника народом. Он ласково погладил глянцевую, отражавшую свет полированную поверхность стола. «Здорово!» Радость Генерального секретаря была почти мальчишеской.

Вдруг внимание привлекла странная подробность в нижней части, под ящиком, – резанула взгляд до такой степени, что он вздрогнул и мгновенно сел выше на кресле. «Что это?!»

Он знал, чего испугался – в конструкцию стола были внесены изменения. С одной стороны опытный взгляд профессионала легко разглядел бы их. Но кто всматривается в деревяшку, придерживающую ящик?! За этим столом Андропов работает год, но сейчас не в состо-

янии припомнить – был ли прежде на этом месте аккуратный стык – след распила, сделанного явно не мебельным мастером.

Либо эта отметина была всегда – но кто и зачем сделал ее? – либо она была сделана недавно. Единственное, что приходило на ум чекисту Андропову – кто-то незаметно вторгся в его пространство, следит за ним. Или все произошло при Брежневе?.. Но почему такой грубый след? Какой смысл?.. Установить подслушивающее устройство можно и не оставив такого чудовищного следа.

Юрий Владимирович хотел вызвать охранника. Потом решил, что благоразумнее не торопиться. Надо исследовать странную подробность самому... Возможно, это только мнительность и ничего серьезного за этим не стоит.

Он понадеялся, что никто в ближайшие минуты не войдет к нему в кабинет, сполз с кресла и опустился на колени...

В наше время

– Не жизнь, а сплошное казино!.. – со злой иронией проговорил небольшого роста высохший старичок в мешковатой спортивной куртке. Отросшие седые волосы трепал ветер.

Старичок пригладил разметававшиеся патлы, одернул куртку и поднял голову вверх, на огромную неоновую рекламу, украшавшую фасад здания.

– Только нам в этом казино – ничего!.. Никакого выигрыша! – с откровенной злостью откликнулся на его слова другой пенсионер – тоже в куртке, но не короткой спортивной, а длинной, зимней, в спортивной кепочке, выцветшей до такой степени, что ее первоначальный раскрас определить было невозможно. – Брежнев им не нравился!.. При Брежневе такого не было!..

– Да что там ваш Брежнев! Маразматик!.. Смотрите глубже: Андропов – вот кто все понимал! Кто мог предвидеть!.. – сказал повернувшись к нему первый.

– Предвидел... Ничего он не предвидел!.. Только в банях хватать был мастер. Помню я эти времена... – уже не глядя на случайного собеседника ответил второй и торопливо пошагал дальше.

«Казино «Пале-Рояль» – надпись выполнена неоновыми трубками. Несмотря на солнце, еще не опустившееся за линию горизонта, испускала призрачное, казавшееся нереальным, сияние. Словно это химера, плод больного воображения, и нет ни казино, ни надписи.

Двери с массивными никелированными ручками – плотно закрыты. Ни один человек не заходил внутрь и не выходил из казино наружу. Принадлежность автомобилей, стоявших на некотором расстоянии от входа, определить невозможно – по соседству располагались дорогие бутики, здания офисов. В казино ли прикатали владельцы машин, куда-то ли еще?..

5.

– Здесь, молодой человек, гулять нельзя! – скрипучий, старческий голос раздался у Антона за спиной.

Рубцов вышел из оцепенения. Как он оказался на газоне, возле кремлевской стены?!.. Одной рукой держится за ее шершавые кирпичи. В другой – сжимает мобильный телефон...

Все напрасно! Мать не отвечает. Ни по одному телефону...

Молодой человек резко обернулся: по свежей зелененькой травке к нему быстро семенил сухонький старичок. Во взгляде читалась озабоченность.

– Что с тобой, парень? Тебе плохо? – заскрипел он опять. – Сейчас ведь заберут тебя. Уверю – уже пошли за тобой. Это не просто стенка. Это государственная святыня. Кремль! Чего тебе здесь надо?.. Уходи по добру по здорову, пока не арестовали... Будут потом выяснять!..

Антон уже и сам сообразил – для прогулок выбрал неподходящее место. Его поведение может показаться кому-то, кто незаметно наблюдает за этим участком территории, что прилегает к Кремлю, подозрительным.

– Зачем ты к ней прилип? Тебе плохо? Или, может, выпил?.. Хотя нет, ты – бледный, как полотно, – не унимался старичок.

«Сам-то откуда здесь взялся?» – чуть было не спросил Антон. Но удержался – дедок явно проявлял заботу, грубить было бы несправедливо.

– Башню ищу... – сказал Рубцов. – Девушка назначила свидание, не могу понять, где...

– Башню?.. – с интересом переспросил старичок и потер правой рукой подбородок. – Какую еще башню?..

– Двадцать первую башню Кремля. Возле нее я должен с ней встретиться... Но башен – всего двадцать. Вы не знаете, где это?

– Знаю... – произнес старичок.

В прошлом веке

Под ящиком был явно устроен тайничок. Стоя на коленях и упираясь одной рукой в тщательно вычищенный ковер, Генеральный секретарь ЦК КПСС водил пальцами по шероховатой поверхности дерева, постукивал по нему. Звучек выдавал какую-то полость. Судя по толщине доски, в которой она была устроена, глубина тайника – не больше полсантиметра, ширина – чуть меньше ладони.

Удивляло, что тайник не пытались замаскировать: стыки были хорошо заметны. Сразу отпадала версия о припрятанном техническом устройстве. Не могло быть речи и о стандартной конструкции. Вглядываясь в деревяшки Юрий Владимирович даже под столом, при плохом освещении отметил: распилы сделали уже когда деталь была частью стола. Выдавал более «свежий» цвет дерева.

Андропов поднялся, сел обратно в кресло. «Все же штука появилась почти наверняка при Брежневе. Вероятно – незадолго до его смерти. Может быть, это часть некоего устройства – какая-нибудь кнопка экстренного вызова врача?!»

Нет, зная Брежнева, он не мог в это поверить. Кнопка вызова могла существовать только в анекдотах, которые Леонид Ильич сам же про себя и сочинял. Но что это тогда?

Андропов попытался вспомнить: не было ли каких-нибудь историй с этим столом, но в голову ничего не приходило. Стол, как стол. Он сел за него после Брежнева...

Генеральный секретарь хотел вызвать помощника, но остановился, – рука не дотянулась до тумблера. Опять слез с кресла, опустился на колени. Зачем этот «шов», на котором оста-

новился его взгляд в самом начале?.. Он словно бы был сделан специально для того, чтобы привлекать внимание. Юрий Владимирович опять забрался под самую крышку. То-то переполюшатся референты, если увидят, что вместо того, чтобы сидеть за столом, главный человек в государстве находится под ним...

Ногтями Юрий Владимирович попытался подцепить деревянную пластинку. Она задвигалась, заходила под его пальцами. Что-то здесь не так: больно деревяшка напоминает крышку ларчика!..

Андропов чувствовал – пальцы его не предназначены для такой работы. Будь они половчее – давно бы раскрыл эту загадочную «коробочку». Он залез под стол глубже. Теперь он сидел уже не на корточках, а прямо на ковре – полулежа, опираясь плечом о боковину стола. Досадовал на плохое освещение. Вот бы сюда настольную лампу!

Неожиданно для себя он как-то так подцепил деревяшку ногтем, что она дрогнула и подавалась вниз. Ухватившись за края пальцами, Андропов потянул еще... «Боже мой!..» – он едва не застонал.

То, что предстало его глазам, не могло привидеться ему даже в самом болезненном состоянии...

Слава богу, в комнате никого не было!..

* * *

– В Московском Кремле действительно было не двадцать, а двадцать одна башня!.. – рассказывал старичок.

– Почему – было? Выходит, ее больше нет? Она назначила мне встречу возле несуществующей башни?..

Они по-прежнему стояли на зеленой травке. И это несмотря на то, что старичок только что советовал Антону уйти с газона под Кремлевской стеной, Чуть поодаль медленно двигались автомобили. Вокруг них – густое марево выхлопных газов. Два человека, беседующих под главной стеной страны, как у деревенского забора, привлекали внимание. Кроме них на всей набережной ни одного пешехода не просматривалось.

– Башня существует, но теперь это не совсем башня. Наблюдательный «столп» с винтовой лестницей внутри – самая высокая постройка средневековой крепости. По замыслу создателей с нее должен быть виден приближающийся к Москве неприятель. Башня превратилась в колокольню Ивана Великого.

– Значит, ждет возле колокольни! – воскликнул молодой человек. Рубцов прикидывал, как быстрее оказаться у колокольни. На Ивановскую площадь – она находится в Юго-восточной стороне крепости, – легче добраться через Спасские ворота. Антон полагал: с его пропуском – нечего думать, чтобы войти в них. До Боровицких еще идти и идти, а потом столько же протопать до колокольни. Вон она, – до нее рукой подать. Как раз напротив! Если бы только был хотя бы узенький лаз в Кремлевской стене!..

– Позолоченный купол, который, как рассказывают туристам, сияет двадцать четыре часа в сутки, появился при Борисе Годунове. Снизу до купола ведет триста двадцать девять ступеней... В первом ярусе внутри стены – каменная лестница. Состоит из восьмидесяти трех ступеней...

Старичок, – голос его звучал взволнованно, – неожиданно замолчал. Перехватил взгляд, который устремил молодой человек к началу Кремлевской набережной, – там, рядом с Беклемишевской башней на тротуар, нагло попирая правила дорожного движения, вползало новенькое «вольво» черного цвета.

Антон подумал: машина – точно такая же, как та, что участвовала в утреннем приключении. Молодого человека охватила еще большая тревога.

«Вольво» преодолело высокий бордюр и оказавшись двумя колесами на асфальтированном тротуаре, а двумя – залезая на ярко зеленую траву, покатило вперед. Рубцов следил за ней не отрываясь. Мог поклясться: водитель – внутри легковушки виднелся всего один человек – смотрит только в их сторону.

– По-моему нам надо отсюда тикать! – пробормотал старичок, мгновенно позабыв и про двадцать первую башню и про ступеньки. – Хотя...

Как замороженный, он смотрел на приближавшееся «вольво» – машина увеличивала скорость.

– Бегство означает признание вины!.. – глубокомысленно произнес старичок. – Я же предупреждал вас. Автомобиль явно принадлежит службе охраны президента... Что за день такой?!.. Вы не в курсе: это... Ну то, что произошло на «Южной»...

– А что произошло на «Южной»?! Я не знаю! – выкрикнул, теряя самообладание, Антон.

Ответить старикан не успел... Поравнявшись с тем местом у стены, на котором стояли двое, «вольво» резко затормозило. Водительская дверь распахнулась и оттуда выскочил тот самый шофер, которого Антон видел утром. Хотя перед началом рабочего дня лицезрел его несколько минут, запомнил достаточно хорошо.

Бросил быстрый взгляд по сторонам, – Рубцову показалось: даже медленное движение автомобилей по набережной прекратилось, – все были заняты только тем, что следили за дерзким человеком из «вольво». А тот, словно убедившись – ему ничто не угрожает, ринулся быстрым шагом к двоим, стоявшим у стены.

Тут Антон сплосховал... Он послушался старичка.

Хрыч неожиданно произнес:

– Беги парень, я его задержу!..

Рубцов сначала сделал несколько шагов в сторону – видя это утренний водитель прибавил шагу: не интересовал старичок, смотрел только на парня. Антон быстро пошел прочь, потом побежал.

Не оборачивался. Когда сделал это, увидел: непонятный старикашка по-прежнему торчит у Кремлевской стены, шоферюга прыгает обратно в «вольво», хлопает дверцей и, резко тронувшись с места, мчит по тротуару в сторону ускользающего Антона.

Рубцов ловко воспользовался ситуацией («А нужно ли мне все это?! чего я бегу?!»). Но рассуждать – некогда. Он ринулся в гущу автомобилей. Те в очередной раз остановились – густой поток почти не двигался. Побежал по узкому промежутку между рядами. Выскочил на противоположный тротуар, – узкую полосу набережной, возвышавшуюся над Москвой-рекой. «Вольво» замедлилось, – проскочить между автомобилями водитель мог только бросив легковушку. Однако этого делать не стал.

Антон побежал быстрее. Был уверен, – если шоферюга немедленно не кинется в погоню на своих двоих – шансов настичь беглеца не останется.

Уже не с такой скоростью, как до этого, «вольво» проехало некоторое расстояние по тротуару и остановилось.

Рубцов вновь перебежал мимо едва ползших автомобилей на тротуар у Кремлевской стены. Здесь он разглядел – шведская легковушка удалялась от него задним ходом. Старикашка по-прежнему стоял на том месте, где покинул его Антон.

«Зачем я бежал и что все это означает?!» Мысли в голове молодого человека роились. Теперь он был готов сам поспешить за «шведкой», чтобы узнать ответ... Только глянув на индикатор времени на своем мобильнике, решил двигаться к Великому Ивану – до назначенного свидания оставалось меньше пяти минут.

6.

В прошлом веке

Андропов по-прежнему сидел на полу между собственным креслом и рабочим столом. В его руках был лист бумаги, тщательно сложенный в несколько раз – чтобы уместился в тайнике.

Послание выпало из «ларчика» прямо на голову адресата – у Юрия Владимировича было ощущение, как если бы с неба, от самого бога на него свалилось письмо с предсказанием судьбы.

Он узнал этот почерк – Брежневскую руку он не спутал бы ни с какой другой. Суеверный ужас охватил убежденного атеиста Андропова. Послание это в прямом смысле можно было назвать посланием с того света: писавший его Брежнев был уверен – Андропов получит его уже когда предшественник будет гнить в сырой могиле. Волосы на запястьях Генерального секретаря встали дыбом. Раскрывая «коробочку» он ожидал чего угодно: следов, оставленных заговорщиками, доказательства какой-то постыдной медицинской тайны Брежнева... Но что Леонид Ильич вот таким экстравагантным способом захочет передать ему некую информацию!..

Предшественник знал – Андропов, как профессионал, не пропускает ни одной мелочи. То, на что не обратили внимание хозяйственники – странный дефект рабочего стола, обязательно его заинтересует. Учитывая некоторую специфику ситуации, Андропов наверняка попытается выяснить как можно больше деталей самостоятельно, как можно дольше не привлекая помощников... Брежнев рассчитал правильно!..

«Такое послание не может быть ординарным... Оно обязательно перевернет мою жизнь!» – думал Андропов и руки его, разворачивавшие сложенный лист бумаги, дрожали.

Он начал читать. Рукописные строки плясали перед глазами. Брежнев и здесь обращался к нему, как к любимчику – запросто и тепло...

«Юра, Сталин – гений. До этого рябого грузина доперло то, что не смогли узнать все русские цари с их голубой кровью... Юра, СССР угрожает смертельная опасность. Во всем этом я боюсь признаться даже жене...»

Андропов читал послание дальше. По мере знакомства с этим документом, ему становилось все хуже. Чудовищное волнение, которое он испытывал, вмиг обострило все хронические болячки.

Он не расслышал, как дверь в кабинет отворилась. За порог прошел человек. Увидев торчащие из под стола ноги Генерального секретаря, человек преодолел короткое расстояние бегом.

– Что?!.. Что с вами?!..

Он уже тянулся к телефону, чтобы немедленно вызвать врача, но ослабевший, однако не потерявший трезвости духа Андропов жестом остановил его. Протянул письмо.

Человек принялся пробегать строки одну за другой. На лице его ничего не отражалось. Однако Андропов чувствовал: чтец испытывает те же эмоции, что и он сам.

– Боже мой, Петрович, как же мы с тобой... Блин!.. Все советские люди... – проговорил вдруг Андропов.

Затем он схватился за край стола. Резким движением поднялся с пола. Читавший, поглощенный содержанием листа бумаги, не обращал на него никакого внимания.

Андропов побледнел. Оперся обеими руками на стол. Чудовищная боль накатила неожиданно. Так быстро, что он не успел даже застонать. Теряя сознание он задел рукой плечо читавшего и рухнул на пол.

Еще секунд тридцать человек не отрывался от Брежневского послания – пока не прочел его до конца. Несколько мгновений он колебался, затем аккуратно сложил лист бумаги и убрал его во внутренний карман пиджака.

Посмотрел на лежавшего на полу руководителя Советского государства.

– Как же мы... – негромко передразнил он Андропова. – А вы?.. Ведь все лежало на поверхности!..

После этого он выбежал из кабинета. Врачи появились в нем только спустя четверть часа.

7.

На огромной скорости, равнявшейся в первый момент примерно семидесяти километрам в час голова, туловище, руки и ноги молодого человека, словно существуя отдельно друг от друга рванулись вперед. Перед тем, как сделать чудовищный рывок, парень не успел ни напрячься, ни уж тем более сгруппироваться. Он смотрел вбок, на шикарный черный автомобиль, подкативший ко входу казино «Пале-Рояль» – обслуга уже держала двери широко раскрытыми, один человек успел предупредительно распахнуть дверцу машины. Кто-то, находившийся пока внутри собирался ступить на чисто вымытую дорожку из ячеистого, упругого пластика, расстеленную на тротуарной плитке перед входом в казино.

«Мазда» старенькой модели не была оборудована подушками безопасности, ремень, перед тем, как защелкнуть его в замок, был продет позади водительского сиденья. Не снижая скорости голова молодого человека ударилась в стекло...

Студенистые, податливые ступки прогнулись, раздались в стороны. Для системы трубок и канальцев, которая густо пронизывала их, это было катастрофой. Однако обрушившийся костный свод и не думал замедлять своего страшного движения. Он опускался ниже, хотя из лопнувших «кровенпроводов» и без того повсюду хлестала багровая жидкость.

Электрические частицы, перебегавшие по глянцевой поверхности жидкости от одного берега к другому, враз прекратили свое движение... Исполненное любопытства ожидание, образ – кто же выйдет из шикарного автомобиля к дверям казино, мгновенно угасло. Словно на экране монитора пропала картинка, – свернулась мгновенно в точку, которая тут же погасла.

Так и осталось тайной, кто же прибыл в казино «Рояль» на шикарном автомобиле.

Одно можно было сказать точно – молодой человек, погибший врезавшись в неожиданно затормозивший грузовик, проживал совсем рядом, – через дом от казино. Статистическое количество людей в этом квартале подразумевало не одну смерть.

* * *

– Привет!..

Антон резко повернулся. Нет, он не узнал этот голос, но шестое чувство подсказало, кому принадлежит... Все точно! Перед ним – утренняя красавица.

Он уже отчаялся ее увидеть. В Боровицких воротах выяснилось: охрана не собирается пропускать его внутрь. Рабочий день Кремлевских музеев закончился и пропуск, выданный Антону, как привлеченному сотруднику, больше не действовал. Попасть к подножию двадцать первой башни, перестроенной в колокольню, теперь невозможно.

– Меня зовут Элалия...

– Где ты работаешь?..

– Об этом – позже, – по лицу девушки пробежала тень раздражения.

– Но все же!.. Я хочу знать!..

– Я профессионально занимаюсь историей. Но я – не сотрудник музея, не экскурсовод. И даже не ученый. Если хочешь, пойдем: двадцать первая башня... Состоит из трех ярусов. В стене первого яруса вверх поднимаются восемьдесят три каменных ступени. Во втором ярусе лестница – винтовая. Из ста сорока девяти ступеней. В последнем, самом верхнем ярусе лестница из металла. Она бежит по внутренней стене до самого купола и состоит из девяноста семи ступеней... Мы с тобой...

– Элалия, постой! Как же мы пойдем?!.. Ведь нас не пропустят. Я только что пытался войти внутрь. Все – мой пропуск не действует!..

Красная громада Боровицкой башни возвышалась у них за спиной. Она нависала над двумя молодыми людьми, словно излучая опасность и тревогу.

– Твой пропуск не действует. Зато в полном порядке мой! – решительно сказала красавица и схватила молодого человека за руку.

Рубцов видел: стоящий возле ворот милиционер следит за ними не отрываясь. Вдруг Антон вспомнил: так и не знает, что произошло или, быть может, до сих пор происходит возле «Южной».

– Послушай, ты, случайно не знаешь: что-то произошло совсем недавно возле одной станции метро?

Теперь он уже не мог определить, что вернее: движет ли им жгучее любопытство, круто замешанное на тревоге или же использует вопрос, как повод, чтобы оттянуть поход в крепость.

– Знаю. Но об этом позже. Давай обсудим новости потом.

«Неужели же она и вправду может войти туда сама и повести с собой меня?» – мелькнуло у него в голове.

8.

«Вольво» проехало еще какое-то расстояние задним ходом и остановилось. По-прежнему находилось на пешеходном тротуаре, протянувшемся вдоль старинной кремлевской стены. Водитель посмотрел сквозь боковое стекло: старикашка держался рукой за красные кирпичи, словно прирос к ним. Пробка начала быстро рассасываться – автомобили двигались все быстрее.

Водитель выбрался из «вольво», легким движением прикрыл дверь. Поверх тускло поблескивавшей крыши глянул на старикашку. Тот стоял повернувшись в пол-оборота к стене. Казалось, смотрел куда-то себе под ноги. Человек из «вольво» не торопясь двинулся в его сторону. Время от времени оборачивался и бросал взгляд на поток автомобилей на набережной, словно размышляя: не много ли свидетелей?

Старикашка тоже несколько раз поднимал голову, поворачивался и смотрел на приближавшегося человека. Но руку от кирпичей не отнимал. Чем ближе оказывался человек из «вольво», тем меньше обращал на него внимания.

Наконец водитель подошел к старику вплотную.

– Не бойся, не упадет! Можешь не придерживать! – бросил ему человек из «вольво» грубым голосом.

Старикашка по-прежнему не отлеплялся от стены.

– Слушай сюда! – рявкнул водитель и схватив старикана за плечо, резко развернул его лицом к себе.

Тот не противился, но глаз не поднимал, глядя куда-то вниз, на траву. Несколько мгновений оба стояли напротив друг-друга не произнося ни слова.

– Чего Ваньку валяешь?! – вновь рявкнул человек из «вольво» и собирался уже потрясти старичка за плечо, но одернул руку...

Старикан поднял на него глаза. Взгляд лишь скользнул по лицу водителя, – голова старикашки запрокинулась еще сильнее. Стали видны ноздри.

Неожиданным, резким движением старикан рубанул водителя «вольво» ребрами ладоней по шее. Тот рухнул к его ногам.

Сцена была прекрасно видна людям, сидевшим в автомобилях, ехавших по набережной. Нисколько не смущаясь этим обстоятельством, старикан энергично наклонился к телу жертвы, схватил ее под мышки.

Со стороны могло показаться: не сможет не то, что оторвать тело от земли, – даже сдвинуть его с места!.. Но старикан бодро поволок водителя через всю зеленую лужайку к «вольво», стоявшему на асфальтированной пешеходной дорожке.

Дотащив тело до автомашины, старикан ловко обшарил карманы жертвы, вытащил ключи... Автомобиль был не заперт, – старикан нырнул в салон, открыл изнутри багажник. Опять схватил водителя под мышки, подволок к задней части «вольво». Резким движением, продемонстрировав немалую физическую силу, оторвал тело от земли, перебросил в багажник. Захлопнул крышку. Бодро, по-молодому подбежал к распахнутой водительской двери, прыгнул в салон. Завел двигатель, захлопнул дверь и тронулся с места.

«Вольво» легко покатило по пешеходной дорожке вперед. Наконец, старикан притормозил, уродуя зеленый газон свернул к бордюру.

Никто не попытался остановить его. Напротив, шедшие до этого друг к другу впритык машины расступились, то ли испуганно, то ли почтительно пропуская «вольво» с мрачным грузом в багажнике.

Ему повезло: стремительно набирая скорость, «вольво» скрылось за Водовзводной башней... Дорога как раз в этот момент стала посвободнее.

Через полчаса рискованной езды новенькая, поблескивавшая лаком «шведка» остановилась на платной парковке неподалеку от Московского Художественного академического театра имени Чехова. Старикан неторопясь вылез из-за руля и, вплотную приблизившись к парковщику, одетому в зеленую форму, что-то негромко сказал ему. Тот на секунду задумался, воровато глянул по сторонам и кивнул головой. Старикан и парковщик вместе подошли к уже слегка приоткрывшемуся багажнику. Новый «владелец шведки» раскрыл крышку во всю ширину. В багажнике покоился большой деревянный ящик. Именно в него и сбросил старикан водителя. Потом, остановившись на одной из улиц у тротуара, он сдвинул над телом роль-крышку, скрывая содержимое ящика от посторонних глаз...

Вдвоем старикан и парковщик вынули тяжеленный ящик из автомобиля, поставили его на асфальт. Затем старикан прикрыл крышку, включил сигнализацию и они вновь подхватили ношу. С трудом отыскивая дорогу среди толп спешивших пешеходов, донесли ящик до «рабочего» подъезда театра. Старикан, так же как до этого парковщику, что-то буркнул охраннику, приблизив свое лицо к его. Тот отошел в сторону, освобождая проход в здание. Ящик с телом был отнесен за сцену. Там стоял второй, точно такой же ящик, только пустой.

Водитель, заключенный в деревянный саркофаг, был оставлен среди деталей декораций, свисающих с потолка тросов и осветительных приборов. Парковщик по указанию старикана подхватил пустой ящик и поволок его следом за ним к машине.

9.

«Кто она такая?!» – все сильнее терялся в догадках Рубцов.

Могущество Элалии проявилось, когда они проходили сквозь Боровицкие ворота внутрь старинной крепости. Их остановили, но она, повернувшись к Антону спиной, показала офицеру какой-то толи пропуск, толи удостоверение. Через ее плечо тот с любопытством глянул на Антона, но ничего не сказал.

Когда Элалия и Рубцов шагнули прочь от офицера, у того за пазухой заработала портативная рация. Антон мог поклясться, что он слышал, как кто-то назвал его фамилию. В ту же секунду он поймал на себе быстрый, напряженный взгляд красавицы. Следом она отвела глаза.

Некоторое время они шли по кремлевской мостовой молча. Напряжение нарастало. Рубцов не представлял, зачем они идут к колокольне. И к колокольне ли они вообще движутся?..

Перспектива увидеть Москву с последнего яруса Ивана Великого показалась ему захватывающей. У него даже мурашки побежали по коже.

«Интересно, увижу ли я оттуда «Южную»? Если правда, что с верхотуры видно окрестности на двадцать пять – тридцать километров, то есть все шансы разглядеть что-нибудь. Вот только что?!.. Лучше бы ничего не увидеть...»

Только он хотел вновь спросить Элалию про события на «Южке», – она заговорила первой...

То, что она сказала, повергла Антона в шок.

– Скажи, ты бы хотел встретиться с Президентом Российской Федерации?..

* * *

На огромной скорости автомобиль с вращавшимися синими проблесковыми маячками и завывавшей сиреной подкатил к одному из входов в станцию метро «Южная».

Милицейский генерал Бойко, – грузный, поживший на свете человек, – выскочил из салона раньше, чем это успели сделать сопровождавшие его молодые помощники.

Начальник местного подразделения милиции представился:

– Капитан Прохоров!

Вытянулся в струнку.

– Ну что ж, води! – мрачно проговорил генерал.

– Может не стоит?.. – как-то совсем не по военному заметил капитан. – Подождем... Постоим здесь...

В лице милиционера явственно читался испуг. Он испытывал страх до такой степени, что даже возможный гнев начальства не мог удержать от того, чтобы произносить эти слова.

– Ты что, совсем?!.. – генерал даже не разозлился. Он опешил. С подобным поведением подчиненного не сталкивался.

– Зачем нам это?.. Окажемся первыми, которые примут на себя все... Огребем по полной...

– Ты что, обалдел?!.. – скорее, чтобы соблюсти приличия, чем искренне возмущившись, произнес генерал.

Взгляд его устремился вниз, в пустынный темный переход... На ступенях не было ни одного человека. Павильончик, торговавший пирожками, по-прежнему залит светом, но продащицу как ветром сдуло.

Генерал понял: спускаться вниз ему совершенно не хочется. Но он сделал над собой усилие и преодолел две первых ступеньки. Обернулся. Прохоров по-прежнему не двигался с места.

– Да ты что?! – вскричал генерал.

Звук собственного грозного голоса помог обрести привычную уверенность.

Прохоров вздрогнул, вдруг засуетился...

– Да я чего!.. Просто подумал... Может чего надо?.. Виноват!.. Не приходилось сталкиваться!

Хлопнул себя по карманам, словно пытаюсь отыскать запропастившуюся вещь, махнул рукой. С дробью каблучков ринулся вниз по ступеням. Обогнав гостя, остановился, обернулся, уставился на генерала, словно приглашая его вслед за собой.

– Извините, товарищ Махлёв, у нас тут такая специфика: придется вам немного пройти пешком. Ну никак к нашим помещениям на машине не подъедешь!.. Глубина!.. – пытаюсь как-то загладить неприятное впечатление, возникшее у генерала от первых моментов встречи, капитан норовил втянуть его в разговор.

Тот молчал.

Они спустились вниз, оказались в узкой прямоугольной полости подземного перехода. Длинные ряды торговых киосков были безжизненны. В одном из них на прилавке за стеклом разбросаны мелкие металлические деньги, в другом – на спинке стула висит забытая продавщицей легкая курточка. Торговый персонал покидал рабочие места в спешке...

Вход на станцию выглядел запертым наглухо. Но когда Прохоров толкнул одну из дверей, та свободно подалась внутрь.

– Проходите, товарищ генерал! – он услужливо пропустил начальство вперед себя.

Преддверие станции было залито ровным светом. Как и в подземном переходе нигде не виднелось ни одного человека. Махлёв прошел мимо турникета – рядом в будке вместо привычной контролерши зияла пустота.

«Мертвая станция!» – подумалось генералу. На мгновение пожалел, что не поддался увещаниям трусоватого капитана и спустился вниз.

Внизу, на самой платформе нарастал какой-то шум. К моменту, когда Махлев оказался возле работавшего, но совершенно пустого эскалатора, шум перешел в грохот – на станцию влетел поезд. С надсадным воем электромоторов, не снижая скорости, долетел до противоположного жерла тоннеля и, так и не остановившись, начал втягиваться в него. Проехавший некоторое расстояние вниз генерал увидел лишь кабину хвостового вагона, исчезающую в тоннеле.

Он ступил на платформу. Позади услышал грохот каблучков. Капитан, ступивший на эскалатор значительно позже генерала, в конце пути перепрыгнул через несколько ступенек, оказался на каменной неподвижной «почве».

– Здесь нам вот сюда... Налево! – раздалось у Махлёва над ухом.

Но генерал не слышал того, что говорил капитан. Неожиданно остановившись, в упор разглядывал средних размеров щит, установленный прямо у входа на платформу. Странно, что не заметил его раньше... Увлёкся поездом, проехавшим станцию без остановки.

Черный знак – соединенные закрашенные секторы круга – подействовал сильнее слов капитана. Только теперь до генерала дошло... Черные слова на щите: «ОСТОРОЖНО! РАДИАЦИЯ!»

Сообразив, почему остановился начальник, Прохоров негромко произнес:

– Я же вам говорил!..

Генерал судорожно сглотнул слюну. Отступить – поздно. Во всем огромном вестибюле станции, пролежавшим из конца в конец под обширной городской площадью, были единственными людьми.

* * *

Не успел Антон как следует осмыслить сказанное Элалией, – выскочив из подъезда ближайшего кремлевского здания и стремительно преодолев с десятков метров, к ним подлетело четверо в строгих черных костюмах.

Со стороны ворот быстрым шагом двигалось еще трое, – Рубцов посмотрел назад, следуя быстрому взгляду спутницы. Увидав группу, двигавшуюся им наперерез, словно искала пути отступления... Губы ее решительно сжались, взгляд стал острым. Пошла медленнее. Антон испуганно озирался, – что-то происходило, он не понимал, что.

Элалия сделала последний шаг и остановилась. Девушка, похоже, знала подоплеку событий. Рубцов обернулся – троица нагнала их.

Самый младший из четверых, – был выше других ростом, – проговорил:

– Предъявите паспорт!.. – обращался к одной Элалии.

– Охрана видела документы. Меня пропустили... – твердо сказала красавица.

– Мы вас задерживаем, – таким же не допускавшим возражений тоном сказал «длинный».

– На каком основании?.. Я – гражданка США!

– Вы обманули нас. При получении визы указали ложную цель поездки. Разрешение прибыть в Россию аннулировано!

– Какого черта?! Кого она обманула?! – неожиданно для себя ляпнул Рубцов.

Кто-то схватил сзади за предплечье. Тут же вторая пара рук схватила за другое. Молодой человек дернулся. Его уже волокли в сторону, к подъезду, откуда появились преградившие путь четверо мужчин.

– Куда тащите?! – он вырывался.

Короткий удар в поясницу... Где-то на заднем плане промелькнул мысль: «Бьют не сильно. Так только... Для острастки!»

Он вертел головой: Элалия по-прежнему находилась там, где их остановили. «Длинный» о чем-то говорил с ней. Трое других – вокруг, соблюдая деликатную дистанцию. С красавицей церемонились... Рубцов не мог похвастаться обхождением: растворив дверь, троица грубо втокнула его внутрь.

* * *

Махлев в сопровождении капитана прошел узеньким коридорчиком. Когда входили в него, генерал слышал позади топот нескольких пар ног. Сопровождавшие лица, приехавшие на той же машине с мигалкой, догнали. В грохоте каблуков не чувствовалось страха или нерешительности. Махлев, успевший взять себя в руки, не без гордости отметил: ребята в «свите» – подходящие. Предупреждение о радиации не произвело впечатления. Можно объяснить тупостью, но генерал предпочитал быть окруженным спокойными тупицами, – не подавленными опасностью умниками!

Узкий коридор расширился.

– Вот! – с нажимом, но негромко произнес капитан.

Махлев сам все видел. Поперек коридора лежало в ряд пять недвижимых тел.

– Остальные?

– Не знаю... Забрали... Тут вертелись из центра. Хотели увезти.

– Кто разрешил?! – грубый, неприветливый голос раздался у Махлева прямо над ухом.

Он вздрогнул. Обернулся. Человек в странном «космическом» одеянии, – блестящий стального цвета комбинезон, угловатый шлем, – с лицом за стеклянным забралом, протиснулся сквозь людей Махлёва, – стоял в полуметре от него. Поначалу показалось: голос раздается

из динамика, укрепленного на груди. Присмотревшись различил: человек немного приподнял защитное стекло.

Картина повергла генерала в ужас. Если бы посмотрел в это мгновение на капитана, ему бы стало еще хуже: Прохоров – белый как мел.

Бараны из свиты и тут проявили свои «лучшие» качества. Нимало не смущаясь, напирали на человека в «скафандре», едва не толкая вперед, на Махлёва. Хотелось расслышать каждое слово.

– Вы – кретин! Зачем приперлись и привели этих придурков!

Под толстым защитным стеклом виднелись рассерженные глаза «космонавта».

– Они чудовищно излучают!.. – продолжал тот.

– Нас... Мы... – генерал не помнил, когда последний раз лепетал так испуганно. Самообладание стремительно покидало его.

– Теперь не отпущу! – «космонавт» произнес недобрым тоном.

Махлёв увидел: с тылу к баранам из свиты подходит, отрезая путь к отступлению, еще один такой же – в космическом костюме, шлеме. Стекло – опущено.

Ни говоря ни слова «космонавт» тоже захлопнул стеклянное забрало.

* * *

С головы сняли черный полиэтиленовый мешок. Он приходил в себя целую минуту. Грудь вздымалась. Молодость брала свое. Рубцов отдышался... Сборки полиэтилена, стянутые на горле в тугую жгут, лишили воздуха, – чьи-то руки продержали на голодном пайке довольно долго. Собственные – заведены за спинку стула, схвачены особыми браслетами. При малейшем шевелении стальные шипы врезались в запястья.

Больше не кричал «Что вы делаете?! Отпустите!» Понял: история – серьезна. Криками свободы не добьешься. К тому же, именно после них его принялись душить, одевая на голову полиэтиленовый мешок. Антон обвел взглядом мучителей – к прежним троим, добавился четвертый. Этому лет шестьдесят. Личностям, схватившим на улице – не больше тридцати, тридцати пяти.

Рубцов молча разглядывал того, кто казался ему «старшим» группы. Во взгляде молодого человека – затаенная тоска. Но самообладания не потерял. Изучая присоединившегося к группе, пытался понять: кто такой?..

Тонкий хрящеватый нос, большие голубые глаза. Светло-русые, редкие и тоненькие волосики. Они расчесаны на пробор и аккуратно уложены волосок к волоску... Отталкивавшим и пугавшим лицо делала нижняя челюсть, – словно все время стремилась выдвинуться дальше вперед. Подергивавшиеся в брезгливой гримасе губы обнажали два ряда мелких зубов.

Строгий костюм, отличный галстук, начищенные до зеркального блеска черные ботинки выглядели на человеке так, как смотрятся на профессиональном военном, если одевает штатский костюм.

Раз в году.

Подчеркнутая аккуратность выдавала. Антону казалось: встретить человека где-нибудь случайно – безошибочно определил бы офицера особой службы.

На правом запястье – толстая золотая цепь. В поблескивании чудилось что-то зловещее. Намек на склонность к беззаконию, порокам. Еще больше усугублял впечатление изящный золотой перстень с красиво ограненным изумрудом на безымянном пальце левой руки.

– Кто вы?!.. В чем провинился? – сдавленным голосом произнес молодой человек.

– Будешь много болтать, мешком ребята не ограничатся, – спокойно проговорил обладатель перстня. – Вопросы задаю я!..

– Могу я хотя бы узнать, как вас зовут?..

Вычурность фразы была замечена человеком. Сделал вывод: парень не растерялся, вполне владеет собой.

– Зовут Анатолий Геннадиевич. Только имя тебе не пригодится. Отсюда ты не выйдешь... Живым. Ночью тебя... Вернее, то, что от тебя останется, спустят с Водовзводной башни к Москве-реке, перекинут через ограждение в воду. А выловят гораздо ниже по течению. Смотри, раньше времени не разлагайся. Сам знаешь, из реки пьет вся Москва. Плавающие трупы ухудшают ее качество... Лучше, наверное, сжечь тебя в камине. Живьем. Как ты на это смотришь?

– Нормально... Что я сделал?!.. – Антон понял: он сейчас расплатится. Как ни старался, к такому повороту событий не был готов. Сил держаться не осталось.

– Ты не знаешь?.. Расскажи-ка, дружок, что связывает тебя с дамочкой?.. – Анатолий Геннадиевич уставил на Рубцова большие холодные глаза.

– Ничего! Клянусь!.. Мы познакомились сегодня утром. Единственное, что знаю, ее зовут Элалия. Кто вы такие?! Что вам от меня нужно?!..

– Сейчас поедешь с нами. Путь будет короткий. Если начнешь плохо вести... Станешь неуправляем... От тебя требуется, чтобы внимательно слушал, а потом делал в точности, как указано!.. Понял?..

– Понял! Что надо делать?!.. – выкрикнул Антон.

– Слишком много вопросов... – заметил человек с перстнем раздраженно, бросил помощникам. – Давайте мешок!..

– Нет!.. Нет...

Жестом Анатолий Геннадиевич остановил их.

– Ты – подопытная крыса. Ясно?.. – он опять уставился на Рубцова. Взгляд стал злым. – Зверек, не более... На тебе будут кое-что отрабатывать. Если посмеешь противиться... Думаю, не надо повторять, что с тобой будет... Насчет дамочки – еще проверим, когда с ней познакомился... Отведите его: пусть приведет себя в порядок. Дайте, если хочет, кофе, сигареты, – сделал короткий знак подручным. – Через полчаса должен быть в форме. Помни, Антон Рубцов, ты – только крыса!.. Горе тебе, если забудешься,образишь себя чем-то большим!..

10.

Актер Московского Художественного академического театра Шмушкевич торопливо вошел в свою гримерную. Запершись изнутри на ключ, быстро подошел к столику. Перед ним – большое зеркало. Шмушкевич включил лампы. Взглянул на разложенные на деревянной поверхности, покрытой лаком, приспособления, баночки с материалами. Все готово к работе...

Актер отодвинул рукав пиджака, взглянул на циферблат стареньких наручных часов еще советского производства. До спектакля оставалось совсем ничего. Представил, что происходит в фойе: собирается толпа празднично одетых людей, билетерши продают программки...

Шмушкевич спешно уселся в креслице. Вместо того, чтобы накладывать грим, принялся снимать тот, что уже был. Через десять минут от старикана не осталось следа. В зеркало смотрел лысый, тщательно выбритый человек средних лет, – подвижное, гладкое лицо.

Удалив грим Шмушкевич стащил с себя костюм, последними снял с руки часики. Сунул в боковой карман. Открыв шкаф проверил на полке сменную одежду – все на месте: новенькие джинсы, хлопковая рубашка. Вместо того, чтобы повесить костюм на вешалку, второпях свернул, засунул на полку – вглубь, к стене...

* * *

В первое мгновение, когда с глаз сняли повязку, Антону показалось: он спит и видит красочный, нереальный сон. Его окружали тропические растения, которые прежде видел лишь по телевизору. Уж не повредился ли от переживанием умом? Быть может, в кофе было что-то подмешано – некий наркотик – и он видит галлюцинацию?

Потрогал рукой широкий и сочный лист пальмы. Узкая каменная тропинка между растениями терялась во мраке. Нет, он не бредит...

Один из тех, что забирал его с Кремлевской мостовой грубо потянул сзади за локоть.

– Не зависай! Успеешь потрогать. Садись вот сюда!..

Развернувшись Антон увидел роскошный полированный столик из ценных пород дерева, вокруг него – три не менее впечатляющих кресла. Откуда-то от противоположной стены доносилось успокаивающее журчание фонтана. Это здесь ему предстоит послужить подопытной крысой?!.. В таком месте он мог бы провести время более приятно.

Взгляд его был устремлен за стеклянную стену. Так они никуда не уезжали?!.. Ему казалось, они покинули Кремль. Но вот перед ним – средневековые постройки. Значит машина, в которую его посадили с завязанными глазами не покидала пределов Кремлевских стен. Зачем такая секретность? Странно!..

Антон уселся на кресло, которое отодвинула перед ним «морда». Двое других стояли в сторонке и холодно и недружелюбно смотрели на молодого человека.

«Я – что, приманка?» – подумал Рубцов.

– Садись-садись! – сказала морда. – Главное, не рыпайся. А то так и не дождешься продолжения... Сдохнешь раньше. В страшных мучениях.

Позади себя Антон явственно услышал какой-то шорох. Точно зашевелились сочные листья экзотического сада. Он обернулся. В полумраке никого не было. Толстые стволы пальм были недвижимы. Тонкие листья папоротников застыли в молчаливой неподвижности. Значит, ему показалось?..

Он повернулся обратно... Никого!.. Троица исчезла. Антон вскочил с кресла. Тут же сел обратно. Чего он испугался?!.. Они велели не рыпаться!.. А может, надо бежать?!.. Чего ждать своей участи, как барану? Но ведь они, наверняка, предусмотрели и такой вариант.

Он опять обернулся: по-прежнему никого... Уф!.. В этом тропическом саду можно сойти с ума! Рубцов почувствовал – лоб его покрылся испариной. Он вытер ее ладонью. Спокойно! Главное, не сделать ошибки. Антон всмотрелся в фонтан, видневшийся вдалеке. От него исходило неяркое разноцветное сияние.

Похоже на рай. И в этом раю оказаться в роли подопытной крысы!

* * *

– Что такое?!.. Почему Махлёв не отвечает?!

Министр в сердцах тряхнул мобильным телефоном, поднял глаза на человека, подждавшего момент сказать о своем.

– Разрешите доложить... Я как раз про Махлёва...

– Ну! Где он?.. – министр-силовик строго взглянул на подчиненного.

– Пришла информация: их задержали, – докладывавший подполковник взирал на босса с затаенным страхом.

– Кто посмел?!..

– Они влезли туда. Ребята из спецотряда говорят: отпустить их, как выражаются, без спецобработки, невозможно. Серьезная вероятность: нахватались радиации.

Босс помрачнел.

– Зачем его туда понесло?..

Пробормотал скорее для себя, но подполковник ответил:

– Хотел оказаться на месте события. Лично и одним из первых.

В этот момент в тесную, не предназначенную для уймы народа комнатку, где находились министр с сопровождавшими, вошел человек. На нем – цвета морской волны медицинский халат, такие же мягкие брюки, бахилы.

Протолкавшись между людьми в форме, подошел к министру, – единственному в компании, одетому в штатское.

– Слушаю вас! – проговорил медик, смело взглянул министру в глаза.

– Нет, это я вас слушаю!.. – тот бы раздосадован независимостью, с которой повел себя собеседник.

Врач молчал, словно ничего сказано не было.

Министр неожиданно сменил тон.

– Видите ли... Хотел лично побывать... Выяснить... Убедиться... – большой босс говорил мягким голосом, медленно, с трудом подбирая слова.

У человека в халате смягчилось выражение лица.

– Извините, не приглашаю вас в мой кабинет... Это далеко отсюда. В другом крыле здания. Сейчас мне нужно быть возле пациентов. Хотя... От них бьет радиацией сильнее, чем от пожарников-чернобыльцев. Думаю, вы слышали?..

– Кое-что... Но... Это было так давно!

– Неважно. Сегодня столкнулись с похожей проблемой. Эти проживут недолго. Фактически, уже покойники. Я врач. Мой долг – лечить. В этом случае... Большую заботу уделяем не только им, но тем, кто может оказаться рядом... Мы поместили их в новейший бокс. Экспериментальное помещение. Толстые свинцовые стены. Стекла, не пропускающие радиацию. Но это нормальная больничная палата со всем необходимым.

– Что персонал? – министр начал понимать.

Мелькнула жалость к Махлёву. До какой степени успел из-за дурацкой активности облучиться?..

– Персонал де факто отстранен от прямого контакта. Все действия по обслуживанию и... – человек в халате горько усмехнулся, – лечению проводятся с помощью специальных

манипуляторов. Эдакая железная рука, приводимая в действие электромоторчиками, подчиняющаяся маленькому джойстику на пульте управления. В редких случаях при необходимости персонал заходит в бокс в специальном костюме. Время пребывания – ограничено, контролируется электроникой. На выходе костюм обрабатывается. Самые современные технологии!.. Если не нарушать инструкцию, риск для медработников сведен к нулю.

«Чего не скажешь о пассажирах, ехавших с этими гавриками в одном вагоне, стоявших на эскалаторе... Те, кто шел рядом по улице...» – министру было не по себе. Только теперь начал осознавать ужас произошедшего.

Тут же промелькнула и другая мысль. Большой босс подался вперед, точно намереваясь своей крупной фигурой подавить медика.

– Думаю, понимаете, в этой ситуации от вас требуется конфиденциальность... Важно избежать шумихи в первый момент!.. Паника ни к чему.

– Чтобы это сказать, приехали лично?!.. – медик смотрел министру в глаза.

«Что хочет доказать?! – подумал тот. – Что я не смогу, если нужно, заставить его подчиниться?! Какой-то псих!..»

– Приехал, чтобы понять ситуацию. Думаю, прекрасно понимаете: все, с чем столкнулись – государственная тайна. Задача – сохранить ее. Будете мешать, мы вас заменим.

– Я лучший специалист! – запальчиво выкрикнул человек в халате.

– Тем, кто в боксе, уже никто поможет. Даже специалист. Или не так?..

Медик, – а это бы профессор Михаил Карпов, – неожиданно сник. Кивнул головой.

– Я хочу посмотреть бокс... – сказал министр. – Это не опасно?..

– Нет... Я же сказал: там особые стекла. Видно все, но радиация не проходит. Пойдемте...

Большой босс и окружавшая его толпа сопровождающих потянулась за профессором Карповым к выходу из комнаты.

* * *

Метрах в десяти от Антона, там, где тропические растения произрастали особенно близко друг к другу, раздался шум. Как будто что-то упало. Потом звук повторился. Что-то начиналось. Рубцов вскочил с кресла. «Надо обзавестись оружием!.. Хоть палкой!..»

Кресло, на котором сидел, слишком тяжело. Размахивать таким не под силу. Неужели в тропическом «лесу» не найдется подходящей дубины?! Он ринулся в заросли. Как назло, в этом месте из искусственного грунта торчали пальмы со слишком толстыми стволами да папоротники! Вон – молодой кипарис!.. Переломить ствол, ободрать ветви – получится недурная дубинка.

Он подскочил к дереву, ухватился за ствол. Но тут состояние его переменялось. «Что за чушь?!.. От кого собирается защищаться таким оружием?.. Воин из него – еще тот... В компьютерах разобрался лучше, чем в боевых единоборствах».

Тут Рубцов увидел: на полпути от него до стены за густыми листьями какого-то очередного экзотического растения стоит фигура. Различил ее только потому, что стена была зеркальной. Отдать должное архитекторам – задумка отличная! Зрительно размеры помещения увеличивались!

В зеркале фигура отражалась со спины. Невозможно разглядеть лица.

Чья-то рука легла ему на плечо. От страха он метнулся в сторону.

Перед ним был всего лишь Анатолий Геннадиевич.

– Пойдем... Ты помнишь, о чем я тебя предупредил. Сейчас начнется важное...

– А разве?.. – Рубцов со смесью удивления и испуга смотрел на своего главного мучителя.

– Ты думал, оно уже происходит?.. – понял его вопрос Анатолий Геннадиевич. – Нет... До сих пор было только ожидание. Приятное ожидание в роскошной обстановке...

Лицо мучителя прорезала садистская улыбка, – наслаждался растерянностью и страхом молодого человека.

Из-за пальмы появилась «морда». В руке у нее была черная повязка. Анатолий Геннадиевич собственноручно завязал Рубцову глаза, взял его под локоть и Антона куда-то повели...

11.

Он стоял в каком-то помещении. В каком – видеть не мог. Глаза по-прежнему были завязаны. «Морда» держал его за локоть.

В стане врагов наметились разногласия и, как мог понять Рубцов, появилась какая-то проблема.

Где-то совсем рядом, скорее всего – в соседней комнате, кричали... Один из голосов принадлежал Анатолию Геннадиевичу:

– Почему не предупредили?!..

– Это невозможно!..

– Единственный выход...

Затем громкие крики стихли. Подул сквозняк – открылась дверь. «Морда» подтолкнул Антона: иди!.. Через десять секунд он опять привыкал к дневному свету.

– Садись!.. – Анатолий Геннадиевич указал ему на кресло.

Оно стояло за солидным, очень хорошо сделанным письменным столом. Фасон неопровержимо выдавал советское происхождение.

– Сейчас произойдет самое главное! – мучитель свирепо посмотрел на Антона. – Помни: у крысы есть только один выход – участвовать в эксперименте. Не участвовать в нем она не может... Надеюсь, мое объяснение было доходчивым!..

Анатолий Геннадиевич развернулся и вышел из комнаты. Массивная дверь дорогого дерева за ним захлопнулась.

Антон остался в просторном, роскошно обставленном кабинете один. Он посмотрел на окно. Шторы были прикрыты. Но неплотно. Сквозь щель различил: по-прежнему находится в Кремле, только в каком-то другом здании. Гадать, в каком именно – бесполезно. Рубцов плохо знал постройки внутри средневековой крепости. Они казались ему хаотическим нагромождением средневековых и более поздних дворцов, церквей, колоколен...

Молодой человек отвернулся от окна. На столе перед ним не было ни одной бумажки. Что может произойти в таком кабинете?.. Внешне все выглядело вполне безопасным. Он осмотрел стены, остальную мебель...

Уставил взгляд в точку перед собой... Не задумываясь, машинально провел рукой по деревяшке стола – она находилась внизу, под ящиком. Кто и зачем сделал вот этот странный пропил?.. Явно по готовому столу!..

В этот момент дверь принялась медленно открываться. Антон широко раскрыл глаза. Дверь резко распахнулась.

Перед ним был президент Российской Федерации...

* * *

Все же стекло не выглядело, как обычное оконное. Легкая матовость показалась министру зловещей. Точно изнутри, как дым, витала радиация. Большой босс подошел к широкому окну ближе, заглянул внутрь. Осторожными шагами, испытывая те же чувства, что и министр – страх, жгучее любопытство – к стеклу приблизилась свита.

Интерьер бокса выдержан исключительно в белых тонах. От этого картина производила еще более жуткое впечатление.

– Сколько у вас таких палат?.. – неизвестно для чего пытаюсь говорить как можно тише, спросил министр.

– Девять! – профессор Карпов ответил нормальным, громким голосом. – Все боксы однотипные. Защищают от пациентов не только внешний мир, но и пациентов друг от друга. Все

радиоактивны в разной степени. От некоторых исходит такое сияние, – может враз добить соседа, если того положить рядом.

К стеклу подошел еще один человек в салатовом медицинском облачении.

– Позвольте... – равнодушным голосом уставшего, а потому безразличного ко всему участника событий сказал он. Слегка подтолкнул министра в сторону.

Тот безропотно подчинился, сделав шаг влево. Медик нажал плоскую широкую кнопку, – та едва выступала над матовой поверхностью стены, облицованной гладкими пластиковыми квадратиками. Один из них тут же перекувырнулся вокруг невидимой оси. Министру предстал небольшой пульт с черным изящным джойстиком.

Человек в салатовом комбинезоне нажал на нем маленькую серебристую таблетку – рядом с джойстиком мягким, приглушенным светом замерцала голубоватая интерактивная панель. Медик несколько раз приложил к ней палец. Изнутри бокса донеслось прерывистое гудение.

Большой босс прильнул к стеклу. Над несчастным, покоившимся на больничной кровати зависла блестящая никелем металлическая рука. Легкое движение джойстика – и рука задела скрывавшимися внутри электрическими моторчиками. Подобралась к лежавшему человеку и принялась медленно двигаться в горизонтальном направлении, повторяя контуры неподвижного тела. Только теперь министр заметил: в никелированных щупальцах сжат маленький приборчик. В черных гранях виднелись небольшие отверстия диаметром в сантиметр.

– Что вы делаете?..

– Кое-какие измерения... – бросил, не поворачивая головы, медик.

Вдруг где-то совсем рядом, в коридоре, – несколько минут назад по нему прошли министр и свита, раздался отчаянный крик:

– Пустите! Он здесь!.. Я знаю! Немедленно пустите...

Люди у стекла обернулись. Лицо Карпова приобрело озабоченное выражение. Через мгновение, отбиваясь от двух, смахивающих на лаборантов, молодых людей в халатах, появилась женщина.

Увидев толпу мужчин, – часть из них была в милицейской форме, – растерялась. Через мгновение сбросила с плеча ремешок дамской сумочки. За него, пытаясь ее удержать, схватился один из парней. Женщина ринулась к Карпову.

– Где он?! Моего мужа зовут Семен Вихров!.. Пустите к нему!

За несколько секунд преодолев расстояние, отделявшее от стекла, разглядела, что находится в боксе.

Осеклась, остановилась, как вкопанная.

Специалист с джойстиком в ладони ни на секунду не прекращал манипуляций никелированной рукой.

Женщина повернулась к профессору.

– Вы – Карпов?.. В холле висел ваш портрет... Это Семен? – голос упал.

Она опустила руки.

– Нет, это не Семен! – жестко отрезал Карпов. – Как вы проникли сюда?..

– Обманула секьюрити...

Большой босс наклонился к стоявшему рядом помощнику:

– Усильте охрану нашими людьми!.. Двери института – на замок. Бабу взять и не выпускать... Приставить нашего психолога...

Она расслышала часть слова. Резко повернулась к говорившему. Узнала министра. Прошептала:

– И этот здесь!.. – опять посмотрела на профессора. – Где Вихров?..

– Здесь, рядом... Вы не сможете к нему пройти... – Карпов посмотрел на чисто вымытый пол у себя под ногами.

– Почему?.. Я ничего не боюсь...

– Стоит минут двадцать побыть рядом с Вихровым и вас придется положить в такой же бокс. У меня нет свободного, – профессор оторвал взгляд от носков ботинок. Пристально посмотрел ей в глаза.

12.

– Здравствуйте, молодой человек! – президент приветливо улыбнулся. У него было свежее лицо, ровные, сверкавшие белизной зубы. – Мне кажется, вы ошарашены...

Главный человек в государстве усмехнулся. Лукаво взглянул на Антона. Опять растянул губы в улыбке.

Рубцов отчего-то вспомнил: точно так же разговаривал с ним учитель по физике, когда собирался сообщить – Антон выиграл городскую олимпиаду по информатике. Это было пять лет назад. Он учился в одиннадцатом классе...

– Прежде всего, хочу извиниться перед тобой... – Президент Российской Федерации неожиданно перешел на «ты». – Виновные будут наказаны. Мне сообщили, отдельные сотрудники моего аппарата вели себя... Что говорить! Они издевались над тобой?.. Можешь быть уверен, даром не пройдет... К сожалению, узнал слишком поздно.

Антон наконец обрел способность говорить.

– Старая история: злые бояре. Хороший царь...

– Зря иронизируешь. Такое случается везде, – глава государства был серьезен. – Думаю, если бы подобное вышло в США, обращались бы с тобой гораздо более жестко... Антон... – Президент сделал паузу. – В Российской Федерации происходят небывалые события. – он опять замолчал. Потом добавил:

– Я бы сказал беспрецедентные!.. Для всех это пока тайна.

Рубцов смотрел Президенту в глаза. Единственная мысль: наступившая минута – в жизни самая важная. Все похоже на сон, но за руку щипать себя не собирался. Если это мираж, – хочется знать: как будет дальше? Предполагал бы утром, какой день предстоит!..

– Сейчас объясню по порядку и ты поймешь, в каком положении находимся.

В кабинет вошел средних лет мужчина в строгом черном костюме. В руках – кожаная папка – углы окованы позолоченным металлом, в центре оттиснут двуглавый орел. Положив папку на стол перед президентом, человек удалился бесшумно, как и вошел.

Глава государства раскрыл ее. Внутри – несколько страничек с текстом, отпечатанным на принтере.

– Видишь ли, времени мало, вынуждены действовать спешно. Бери и читай...

Антон послушно взял бумаги. Строчки плясали перед глазами. Смысл слов не доходил. Положил текст на стол. На минутку зажмурился, принялся за чтение вновь.

«Надобно промышлять, чтобы из чужих стран привозился в Россию сырой материал и чтобы здешние ремесленники обрабатывали его... Заповедовать накрепко, под страхом казни, вывозить за границу сырье...» – Совершенно обыденная фраза, старообразная. Рождалось недоумение: «Зачем читать это?»

Глаза бежали дальше...

«Русь редко населена и не так людна, как... могла быть... Для увеличения народонаселения правительство должно способствовать увеличению числа браков».

– Послушай, Антон, нет у тебя ощущения: жизнь в мире... Говорю не про мелочи, а глобально... Дела хуже и хуже. Прежде, конечно, не было рая... Но по сравнению с нынешним... Тебе не кажется: во всем этом угадывается некая интрига... Слышал выражение «Потерять рай...»? Как профессионал скажу: рай не бывает потерян случайно... За этим всегда что-то кроется.

Рубцов оторвался от бумаги. Глава государства смотрел ему в глаза. «При чем здесь я, молодой специалист ай-ти компании».

– Мне кажется, в детстве я был счастлив... Потом – заботы, волнения... Тоже потерял рай, – собственная речь показалась Антону глубокомысленной. Он не знал, как продолжить.

– Как ты думаешь, что это такое? – президент постучал пальцем по бумажкам.

– Ваше послание? – Рубцов ляпнул первое, пришедшее на ум.

– Значит, мало прочел...

«Должно определить, сколько священник должен брать за венчание, чтоб бедным людям было не убыточно».

«Стоп! Какие еще священники?! Венчание?.. Бедные люди...»

«Правительство должно озаботиться, чтоб по городам и селам для новобрачных были готовые дворы, чтоб бедность, неимение где жить не останавливали бы браков...»

– Я не даром сказал читать. Семнадцатый век. «Докладная записка царю» одного неравнодушного славянина, – серба Юрия Крижанича, иначе прозываемого Сербенином. Пишет, как про сегодняшний день... Болел за судьбу России, незадолго до петровских реформ написал этот текст, – Президент внимательно посмотрел на Антона. – У меня есть группа аналитиков, – продолжал он. – Эти люди изучают текущий момент, делают рекомендации по стратегическим планам. Не знаю, удивлю ли тебя: мы в Кремле внимательно изучаем прошлое... Так вот, очень многое в этом прошлом поразительно напоминает настоящее. Столетиями похожие проблемы и коллизии. Мы подключили математиков и те создали особую цифровую модель... Не буду утомлять подробностями. Закладываются очень многие параметры общественного развития, переведенные в математический, цифровой код... Сообщу вывод, который лично меня ошеломил: история России – повторение одних и тех же, абсолютно совпадающих друг с другом математических последовательностей – так называемых «кривых».

– Кривая судьбы!

– Именно!.. Мало того, такое совпадение в реальном мире абсолютно невозможно (на этот счет тоже есть математические выкладки)! Это само по себе странно. Все-таки Россия – реальная страна, которая существует в реальном мире... Непонятно, почему математика утверждает, что она не может существовать. Но самое важное...

Глава государства сделал паузу.

Антон задержал дыхание...

* * *

– Все тот же математико-вероятностный расчет показывает: нынешняя кривая, которая началась не так давно, будет первой...

Президент опять замолчал.

– Что – первой?! – не выдержал Антон.

– Они не могут больше ничего понять. Не могут отныне ничего рассчитать. Тысячу лет кривые с равным интервалом повторяли друг-друга... Но нынешняя кривая, начав с достаточно традиционной траектории, как ей и положено по выясненному алгоритму, уходит... в ничто.

– В ничто?

– В неизвестность!.. Это будет первая кривая, кардинально отличающаяся от всех предыдущих. Нас что-то ждет, Антон...

По спине у Рубцова побежали мурашки.

– И мы не можем предсказать, что... Ни математики, ни историки из моей команды не могут сделать прогноза. Теория вероятности неумолимо утверждает: на целую последовательность кривых должна попасться одна, полностью отличная от предыдущих. Но это, так сказать, предисловие... Как я тебе сказал, все началось с рукописи Юрия Сербенина, в которой он обличал нравы и ситуацию в тогдашней России. Историки считают: этот человек гениально предсказал Петровские реформы, вскрыл их причины. Прошло немного времени и Петр Великий поднял Россию на дыбы... Все, что писал Сербенин оказалось правдой, сбылось...

– Но... – Антон наконец решился задать вопрос, тяготивший его все это время. – При чем здесь я?..

Президент поднял руку: не торопись, узнаешь.

– На одного исследователя из моей команды личность серба произвела особое впечатление. Увлечся: параллельно с заданием затеял работу над диссертацией. Членство в Кремлевской группе открывает двери в документохранилища. Парень стал изучать все, имеющее отношение к Сербенину. Раскопал некий черновик – рабочую запись, на которую прежде исследователи не обращали внимания. Серб упоминает о предсказании, якобы сделанном ведуньей-старицей в тысяча шестьсот втором году. Чтобы понимал: шестьсот второй предшествовал смутному времени. Год страшного голода. Неурожай хлеба таков, что на Руси массовыми стали случаи людоедства. На рынках торговали пирожками, в начинке – говядина смешана с человечинной. Путники боялись останавливаться в гостиничных комнатах в одиночку... К слову именно в шестьсот втором границу России пересек монах Григорий – будущий Самозванец Юрий Отрепьев. Надеюсь, знаешь, кто?..

– Еще бы! – с горячностью подтвердил Рубцов. – Зловещая фигура Смуты.

– То-то и оно!.. Но дело не в нем. Сербенин, а его интересовало будущее, упоминает: в Москве в тот год появилась старушка. Упорно твердила одно и тоже...

– Что?!.. Про метро «Южная»?! – неожиданно для него самого, по-детски вырвалось у Антона.

Глава государства воспринял серьезно.

– Почти. В столпе Ивана Великого сокрыта тайна конца... Конца мира...

– Ох... И ничего себе!..

– Столп в нынешнем виде построен за два года до предсказания. В тысячу шестисотом.

– Но где тайна? Вы извлекли ее?!..

– Все по-другому. Предсказание гласило: через столько лет, сколько ступеней идут под купол Ивана и на куполе две сороки без трех хвостов – то есть еще семьдесят семь, в день круглой луны в крепость войдет парень... На пять дней. Будет ему в тот момент двадцать два. Родом – из деревни Чертаново, с берегов Чертановки. На третий день он должен один подняться на самый верх Ивана Великого и остаться там в полночь. Вокруг не должно быть ни души... Ровно в двенадцать произойдет какая-то встреча. Он узнает будущее России. Там было еще один признак...

Антон почувствовал: у него отнимаются ноги... Он уже знал, что будет сказано дальше.

* * *

– Из чистого любопытства мой ученый, а дело было сегодня утром, прошерстил списки входивших в Кремль в день полнолуния... Нашел тебя. Все совпадало: работа по оцифровке в течение рабочей недели, возраст, место жительства... «Южная»...

– Наш район появился на месте деревни Чертаново... Это же какая-то дикость! – воскликнул Антон. – Неужели вы здесь!.. Сумасшедшая старуха четыре века назад...

– Стоп... – Президент сделал паузу. – Никто не стал бы тобой заниматься, только потому, что четыреста лет назад сумасшедшая что-то предсказала... И уж тем паче не стали докладывать мне... Но... – Президент сделал паузу.

– Что – но?!

– Вещунья-старица указала еще один признак. В день, когда может открыться тайна конца мира, в деревню, из которой родом парень, то есть ты, войдут девять волхвов... Так вот...

Президент опять замолчал.

– Что?..

– Они вошли!.. Собственно, так все и началось. Мне о них доложили... Потом всплыла история с рукописью Сербенина... Ученый из группы сказал шефу, тот – по цепочке... В этой ситуации уже нельзя просто взять и отмахнуться. Сумасшедшая – сумасшедшей, но... Эти девять волхвов...

– Что произошло на «Южной»?

– Не волнуйся, с твоей матерью все в порядке. Никаких деталей больше не расскажу. Меня отговаривали от встречи с тобой. Но, уверен, я должен... Мы решили: роль Антона сведется к минимуму. Поднимешься и все потом расскажешь нам...

Неожиданно для себя Рубцов заплакал. Сказывалось чудовищное нервное напряжение.

Президент уже не обращал на него внимания. Подойдя к окну, отдернул занавеску. Посмотрел на небо.

– Темнеет, Антон Рубцов. Ровно в полночь должен быть под куполом Ивана Великого!.. Помни: мы стоим на пороге новой эры. Тысячи лет кривые повторяли друг друга, как сестры близняшки. И вот первая уходит в ничто... В неизвестность!.. Конечно, не верю в конец света. Но глупо будет, если что-то упустим и он произойдет...

Глава государства сделал очередную паузу.

– Что б ты знал... Наши исследования... В общем моя группа аналитиков была не совсем оригинальна. Мы работали по исходным данным американцев. Первыми до всего дошли они... Рай, знаешь ли, потерян не только у нас. За океаном дела идут хуже и хуже. Моему другу Джорджу Бушу, как, впрочем, и всем его соотечественникам, очень бы хотелось знать, почему... Люди по всему миру хотят быть счастливыми. И очень страшатся неизвестности. Особенно зловещих математических кривых, уходящих в ничто...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

13.

Боксы для особых пациентов располагались по всему этажу. Дилетанту, взглянувшему на висевший на стене план, могло показаться: заштрихованные красными линиями спецпалаты – как кораблики в игре «морской бой» – нарисованы в хаотическом порядке. За внешним беспорядком скрывалась четкая логика, железная необходимость. Пространства между огненными квадратами занимали технические помещения, напичканные сложным оборудованием, комнаты медперсонала. Все сделано, чтобы опасная зона занимала минимальную площадь... Некоторые помещения на этаже сообщались с остальными лишь узкими коридорами, разделенными створчатыми дверьми – миновать их можно, приложив к считывающему устройству электронную карточку. Камеры видеонаблюдения – напротив палат. Экран монитора, отображавший все, что видели объективы – в кабинете Карпова. Сам он теперь стоял вместе с министром внутренних дел перед вторым боксом.

Шестая «палата», – в ней лежал Семен Вихров, – находилась в конце пустынного коридора. Изредка по нему проходил кто-то из врачей. За тем, что происходило в «тоннеле» с матово-белыми стенами, полом и потолком, также как в прилежавшем к нему помещении, никто никогда не следил. Медицинское учреждение охранялось, но нужды устанавливать на этажах тюремные порядки не было.

Врач Данилюк прошел до конца коридора, приложил карточку к считывающему устройству последней двери. Отворять ее не торопился. Мысли проносились под назойливый писк сработавшего электронного замка: дорогой, он считал «ворота» – дверь оказалась девятой. «Последние врата». Преддверие ада!.. Данилюк весь внутренне сжался и толкнул створку. Слава богу, в безопасной роли врача и наблюдателя! Преисподняя – для того, кто за матовым стеклом. Жуткая штука – радиация!..

Кинул быстрый взгляд на пациента. Тот неподвижно лежал на своей кушетке. Лишь кисть правой руки совершала какие-то непонятные кругообразные движения. Данилюк метнулся к компьютеру, стоявшему у противоположной стены на маленьком столике, напоминавшем школьную парту. Отодвинул стул, включил процессор... Программа принялась не спеша загружаться.

«Черт знает что!» – с раздражением подумал Данилюк. – «Передовое медицинское учреждение, а компьютеры – как со свалки!..» Профессор Карпов сделал ему замечание – параллельно с лечебными мероприятиями и наблюдением за пациентом полагалось заполнять в компьютере определенные формуляры. С того момента, как в центр доставили больных, Данилюк ни разу не сделал этого. Времени прошло немного, но первый электронный бланк требовалось загрузить в память сразу по прибытии пациента.

Наконец, электроника готова к работе. Данилюк с щелчком ударил по клавише и для чего-то обернулся... Точно вид пациента помогал врачу сосредоточиться на его истории болезни.

– Семен Вихров!.. – торжественно произнес Данилюк.

Лежавший в боксе человек продолжал мерно вращать кистью руки. Слышать что-либо, произносимое за стеклом, не мог – специальное переговорное устройство отключено.

Данилюк отвернулся и больше не обращая на больного внимания застучал по клавишам. В течение десяти минут работал очень напряженно. Вбивал текст в специальные окошки, удалял его, пропечатывал вновь, редактировал...

Скоро Данилюк, который обычно уставал сразу после начала работы, почувствовал, что взял слишком напряженный темп. Снял пальцы с клавиатуры, слегка подвинул ее вперед по узкому столику из светлого полированного дерева. Глубоко вздохнул, выпустил из легких воздух, обернулся... Тут же вскочил, едва не опрокинув стул.

14.

Антон по-прежнему сидел в кресле за столом. Взгляд устремлен в бумажки, разложенные по полированной поверхности. Президент несколько минут назад ушел неожиданно, как и появился. Рубцов остался один. Прийти в хоть сколько-нибудь нормальное состояние было трудно.

Все же он сумел взять себя в руки. Помогло чувство обиды: похоже, его здесь никто и ни о чем не собирался спрашивать. Включая главу государства.

«В конце-концов, если я не арестован, могу в любой момент встать и пойти, куда хочется!»

Резко оттолкнувшись от стола, он подвинул кресло назад, поднялся и двинулся к двери. Ожидал, – вслед за тем, как его покинул президент, – в огромный кабинет войдет кто-то из помощников. Никого не было. Рубцов беспрепятственно вышел в коридор.

Постояв некоторое время возле двери, посмотрев по сторонам, без особой решимости пошел налево. Направление выбрал наугад. Всплеск эмоций стремительно угасал. Куда денется здесь?!.. Да и зачем?.. Не отправится же теперь домой! Президент сказал ясно, что от него требуется. «Темнеет!»

А то, что его мнением позабыли поинтересоваться, – чего он хотел?! Кто он такой?.. Статистическая единица, один из миллионов, по какой-то непонятной прихоти судьбы оказавшийся... Стоп!..

Вот тут Антон по-настоящему осознал, что произошло. Он вовсе не единица!.. Тот, про кого еще в начале семнадцатого века было сделано предсказание. И девять волхвов пришли сегодня возвестить о его появлении!.. Чушь собачья!.. Бред!

Но как ему жить со всем этим? Воспринимать всерьез? А если нет, то как? Ответов не было.

Рубцов понял, что если еще немного побудет один, точно самым натуральным образом сойдет с ума. Куда, черт возьми, подевались все люди в этом здании!

В эту секунду чья-то рука легла ему на плечо. «О-па!»

* * *

– Скажи... Этот Черненко... Кем он был?..

Рудалев, – это он выскочил этим утром из новенького «вольво», – вытащил из черного кожаного портфеля ноутбук, положил его на маленький журнальный столик. Раскрыл, передвинул ползунок выключателя.

Индикаторы, обозначившиеся на болотного цвета дисплейчике, показывали – заряд аккумуляторов – на максимальном уровне.

– Не понимаю твоего вопроса, Саша. Неужели ты с твоей эрудицией... И потом, ведь ты же защитил диссертацию по теме... Ты же занимался историей СССР... – проговорил Рудалев, следя за экраном.

– Все верно, Андрюш. Спасибо за комплимент. И про диссертацию вовремя вспомнил. Только она была посвящена организации первых колхозов. А это немножко другой край истории. Не конец советского периода, а его начало... Я хочу знать все про Константина Устиновича... – присев на диванный валик, Петренко скрестил руки на груди.

Андрей неожиданно захлопнул переносной компьютер.

– Не компромат, нет... – продолжал Петренко. – Все невинные шалости советского периода не играют в нашей истории никакой роли. Пил он или не пил...

– Скажешь тоже! – моментально перебил Андрей, – лучший друг Петренко в годы его учебы в Московском Университете, теперь еще коллега по работе. – Как это не пил?!.. Как тогда можно было не пить?!.. В брежневской команде!

– Но Андропов-то горькую не глушил... – заметил Александр.

– Андропов был тяжело больным человеком...

– Брежнев – тоже не здоровяк. И потом, мы с тобой установили: болезнь Андропова – инсеньюация заинтересованных лиц. Если Юрий Владимирович смертельно болен, а значит, со дня на день может стать недееспособным, или в худшем случае – скоропостижно скончаться – как же его можно назначать преемником. Надо выбрать другого!.. Который не станет организовывать отлов граждан по баням...

– Ну это, справедливости ради, организовывал не он...

– Слушай, все это неважно! – раздраженно произнес Петренко. – Граждане, бани!.. Это антураж. Только уводит в сторону от основного!..

– Я не согласен. Откуда ты знаешь, что здесь основное, а что – второстепенное?..

Александр Петренко порывистым движением откинул со лба длинную прядь волос. Встал, подошел к окну.

– Гибнет империя. Станным образом на последнем этапе умирают три ее руководителя. В этой истории все детали взаимосвязаны, – проговорил он.

– Вот! Вот, дорогой, ты все сам и сказал: все детали взаимосвязаны. Но среди этого хитросплетения должна быть одна, самая важная деталь! И мне кажется, я ее знаю! – Рудалев прихлопнул ладонью по крышке ноутбука.

– Рассказывай! – оживился Александр. – Потому что я тоже приготовил для тебя одну новость. Мне кажется, ее можно назвать ниточкой, следом.

* * *

Пациент стоял почти вплотную к матовому стеклу и сквозь него смотрел на Данилюка. Лицо его было спокойным, словно отрешенным.

– Эй, ты что?! – неизвестно зачем пробормотал врач и взмахнул рукой, словно отгоняя странное видение.

Вихров не двигался. Взгляд его сперва показался врачу остановившимся, но когда Данилюк медленно, точно опасаясь спугнуть того, кто смотрел на него, встал из-за столика, на котором стоял компьютер и двинулся к боксу, обнаружил: глазами пациент, по-прежнему неподвижно стоявший у стекла, следит за врачом.

Поведение несчастного тревожило Данилюка, но разгадать его смысла он не мог.

Надо было срочно связаться с профессором Карповым. Врач с досадой подумал: интересом находился в пульте, вываливавшемся из стены бокса. Разговаривать придется прямо перед глазами больного. Не могли сконструировать по-другому, идиоты!.. Все у них не так, как надо! Все в этой стране не «слава богу»!

Данилюк тут же подумал, что напрасно гневается на разработчиков. Не могли предполагать, что больные, которым по всем оценкам полагается лежать, прикованными к кровати, станут уставлять на врачей такие странные, лишённые понятного смысла взгляды... До чего неотрывно он смотрит!..

Данилюк запаниковал. Захотелось кинуться прочь из этого отрезанного от внешнего мира помещения, пролететь стремглав коридором, вырваться на улицу, срывая на бегу салатный халат, шапочку. На воздух! На свободу!.. Неимоверным усилием воли ему удалось справиться с собой. Данилюк сделал два шага, еще шажок. Самое ужасное: не мог оторвать взгляда от глаз пациента. Словно змея тот загнипнотизировал его...

Теперь они стояли напротив друг-друга. Данилюк с внешней стороны толстого, слегка матового стекла, обреченный и умирающий Вихров с внутренней.

«Его должно непрерывно рвать, а на теле появиться страшные лучевые ожоги. Ничего этого нет. Непонятно!..»

Данилюк, конечно, знал о специфическом явлении, именуемом в узких кругах профессионалов «рентгеновским похмельем». Обычно в первые дни или даже часы после облучения жертвы чувствуют слабость, подавленность, страдают от головной боли, головокружения и рвоты. По-медицински это – дисфорический синдром.

Но иногда вместо того, чтобы впасть в апатию человек, испытавший на себе действие радиации приходит в состояние крайнего нервного возбуждения. Нервно-психическая деятельность резко активизируется. Больной испытывает сильнейшую эйфорию, сравнимую с той, что наступает вслед за употреблением наркотических, подстегивающих психику, средств.

Строго говоря называть это похмельем – не совсем точно. Последнее скорее наступает потом, когда неожиданный всплеск эмоций гаснет.

Данилюк знал: у некоторых больных лучевой болезнью появляются как периоды апатии, так и маниакального возбуждения. Они сменяют друг друга в течении длительного времени. Но все это относилось лишь к первым, не самым тяжелым стадиям заболевания.

Не опуская глаз, шаря по стене рукой, Данилюк нащупал плоскую широкую кнопку и с ожесточением надавил на нее. Пульт управления с джойстиком и интерактивной панелью плавно вывалился из стены. Теперь он должен нажать серебристую кнопочку и вызвать по интеркому с помощью той самой панели, что так приглушенно мерцает, врача у первого бокса. Рядом с ним, – Данилюк знал наверняка, – находился в эти минуты профессор Карпов.

Но для того, чтобы проделать манипуляции, необходимо опустить взгляд. Данилюк не мог этого сделать. Он пытался понять по глазам, по каким-то малейшим движениям лицевых мускулов, о чем думает Вихров. Вдруг врач со страхом понял, что пациент озабочен тем же самым. Это уже были не шутки!..

В следующее мгновение, – и как он только не догадался проверить сразу! – взгляд Данилюка упал вниз и вбок. Оказаться в боксе можно было через дверь, которая по инструкции должна быть закрыта снаружи. Ручка локера находилась в положении «не заперто». По небрежности Данилюк, когда больной уже лежал на койке, а дверь – захлопнута, не повернул ее. Тогда он спешил снять с себя специальный костюм. Сама мысль, что он может подвергнуться воздействию радиации делала Данилюка невнимательным.

Врач не только не успел исправить свою ошибку, – ему даже не удалось протянуть руку. В тот момент, когда он собрался это сделать, дверь уже открывалась. Семен Вихров не зря следил за глазами медика.

Первой мыслью Данилюка было навалиться на дверь и силой привести ее в старое положение. Но при этом он окажется в десяти сантиметрах от излучающего пациента!.. Душевное колебание оказалось для Данилюка очередной роковой ступенью. В те доли секунды, пока он боролся с охватывавшим его ужасом, Вихров вышел наружу. Еще мгновение и он вцепился в доктора.

– Прекратите! Вы что?!.. – вяло пролепетал Данилюк и тут, наконец, к нему пришла решительность.

С силой он толкнул Вихрова обеими руками в грудь, но тот не отстал. Силы в пациенте было достаточно. Не меньше, чем во враче!

Не отпуская клешни, мертвой хваткой вцепившейся в халат на груди Данилюка, другой он вцепился врачу в ворот, рванул на себя. Теряя равновесие тот упал в объятия больного. Семен разжал пальцы и тут же сомкнул их уже за спиной доктора.

Данилюк задержался, пытаясь оттолкнуть от себя Вихрова, но тщетно... Лягнув ногой тяжелую дверь, – она распахнулась пошире, – Семен потащил «добычу» в бокс. Врач заорал.

Но голос его отшатнулся от стеклянной стены, потонул в извилистых коленях узкого коридора. Брыкаясь, он чувствовал, что все попытки освободиться тщетны – «атомный» Вихров был в несколько раз сильнее его.

15.

Обернувшийся Рубцов ожидал увидеть кого угодно, но только не Анатолия Геннадиевича. После разговора с президентом как-то само собой разумелось, что своего мучителя он больше не встретит. Но тот опять был рядом. Глаза спецслужбиста, – а Антон не сомневался, что этот человек служит в каком-то особом учреждении, – смотрели холодно и нагло. Получалось, даже гнев президента не страшил его. Или все, что было сказано – лишь обман?!.. Нет, Антон хотел верить в иное!..

– Мне сказали, ты чем-то недоволен?..

Антон возликовал: «Все-таки есть на Земле правда и справедливость!»

– Вы, батенька, исключительный дурак! – Рубцов сам себя не узнавал. И откуда только на его языке появились подобные выражения!..

«Надо быть все же поосторожней!» Но Антоном овладела жажда мщения.

– Вас накажут! И очень сильно!.. Из вас сделают одновременно подопытную крысу и свинью. Вы будете метаться, как первая и визжать, как вторая!.. Когда ее режут!..

Анатолий Геннадиевич смотрел на Рубцова с равнодушным презрением.

– Я вижу, встреча с главой государства произвела на тебя впечатление!..

Вдруг он опять положил руку Антону на плечо и больно сжал его. Чтобы так сдавить надо обладать поистине железной хваткой!

– Моя фамилия Холмогоров! Запомни ее, придурок!.. Ты думаешь, если встретился с президентом, то дальше ты в полной безопасности?!.. Ничего не изменилось!.. Я вижу президента каждый день!.. И это ничего не значит. Это значит только то, что мы все – и в том числе теперь и ты – находимся в святой святых Кремля. Мы здесь работаем, понимаешь?..

Он легонько двинул Антона кулаком в солнечное сплетение. Рубцов согнулся пополам.

– И президент здесь работает... Понимаешь?.. – продолжал Анатолий Геннадиевич. – Мы все делаем одно дело. Каждый на своем месте... Мы служим Родине. И ты будешь служить!.. Я забираю тебя в армию!.. Ты ведь не служил?..

– Я младший лейтенант запаса! – едва в силах говорить, сдавленным голосом прохрипел Рубцов.

– Я тебя уже разжаловал в рядовые. Потому что ты – дурак. Я же тебе сказал – ты подопытная крыса. И даже президент не в силах изменить этого. Тем более что...

– Что?.. – прохрипел Рубцов.

– Он не все сказал тебе!.. – Анатолий Геннадиевич шипел, как змея. Правая рука его по-прежнему крепко сжимала плечо Рубцова. – Ты понял, рядовой Рубцов?!.. Президент передал тебе не весь текст предсказания. Этого чертового предсказания, которое неожиданно стало сбываться.

* * *

– Ну здравствуй! Зазнался, не замечаешь?! – Мацыгин, завзятый биржевик, владелец широко известной в кругах финансистов брокерской фирмы только что хлопнул по плечу проходившего мимо темноволосого человека с умным лицом и мягким взглядом, вводящим в заблуждение многих.

Его удивила реакция на его дружеский удар: поприветствованный отчаянно вздрогнул.

«Э-э, да нервишки у тебя не совсем в норме!» – подумал Мацыгин.

Казалось бы заурядное обстоятельство – кого нынче удивишь взвинченными нервами – показалось биржевику исполненным особого, зловещего смысла.

Темноволосый человек через силу улыбнулся, обнажив в улыбке кривые, заостренные зубы хищника. Он больше не казался добрым. Артур Гаспарян хоть и обладал состоянием меньшим, чем то, которым мог похвастаться Мацыгин, неустанно и вполне успешно догонял его по этому главному показателю, – единственному, имевшему ценность в их среде. Денежные счета Артурчика непрерывно увеличивались.

– Что ты так неожиданно! – пробормотал Гаспарян. – Я тебя просто не видел!.. Зачем обижаешься?

Вопреки дружеским словам он оценивающе, точно впервые увидел, с ног до головы оглядел давнего знакомого. Словно собирался купить Мацыгина целиком: приобрести вместе с дорогим костюмом, – сшит лондонским портным, но мерка снята с Мацыгина здесь, в Москве. Плюс итальянские ботинки «Зеня», которые биржевик купил этой зимой во время поездки в Милан. Галстук долларов за сто пятьдесят – неброская светло-розовая гамма, рубашка из высококачественной хлопковой материи.

– Я не обижаюсь! С тобой ссорится опасно... – Мацыгин криво усмехнулся.

Гаспаряну показалось: в этой улыбке мелькнул едва заметный оттенок презрения.

– Ты ведь у нас теперь влиятельная личность... С тобой надо дружить. Крепнешь и богатеешь на глазах.

– А тебе, признайся, завидно!.. – со злой веселостью проговорил Гаспарян и в свою очередь хлопнул знакомого по плечу.

«Мог бы и поуважительней! Высочка!..»

Удар был злым и гораздо сильнее первого, что предварил разговор.

– Ты хочешь, чтобы только тебе везло!..

Теперь казалось уже Мацыгину: в словах Гаспаряна есть какая-то затаенная злость. Оба были слишком умны, чтобы превратиться в открытых врагов, но острое соперничество, всегда существовавшее между двумя биржевиками, становилось в последние месяцы беспощадней и беспощадней. Рыночная поляна по своим размерам в реальности гораздо меньше, чем казалось в конце прошлого века. Особенно это стало заметно в начале века нынешнего.

Мацыгин считал себя пионером – из тех, кто первым начинал сразу после объявления экономических свобод. Артурчик – гораздо моложе. Его финансовая мощь пока только приближалась к той, что обладал Мацыгин. Старейший биржевик чувствовал – Гаспарян, как представитель нового поколения гораздо злей и беспринципней – пройдет немного времени и он может смотреть на ветеранов свысока.

Мацыгин и правда в тайне опасался Артура, – сегодня он впервые, – как будто в шутку, – сказал об этом. Прежде не хотел признаваться даже себе. В этот день его холодил иной страх, – новый, – перед которым отступали все прежние. Даже возможность в один несчастный день оказаться разоренным в конкурентной борьбе с Гаспаряном – и та выглядела менее реальной, а потому не такой ужасной.

– Есть сигареты? Свои забыл в офисе... – вдруг произнес Артурчик.

Мацыгин с готовностью, даже как-то очень торопливо полез в карман «лондонского» пиджака. Вытащил бордовую коробку «данхил», протянул Гаспаряну.

Тот мягко, снисходительно улыбнулся – привычки Мацыгина – даже пристрастия к чопорной, подчеркнуто аристократической марке английских сигарет, – казались ему старомодными. Но опытный биржевик уже не обращал на улыбки внимания. Все казалось ему теперь мелочами по сравнению с главным.

Мацыгин тоже вынул из пачки сигарету, сунул ее в рот. Из кармана пиджака вытащил зажигалку. Артурчик внимательно рассмотрел: дорогая вещь, покрытая толстым слоем позолоты. Сам Гаспарян пользовался дешевыми одноразовыми зажигалками, продаваемыми в любом табачном киоске за рублевую мелочь. Все в коллеге казалось Артуру несовременным, но теперь удержался от улыбки. Чувства меры лишен не был...

Опытный биржевик обрадовался перекуру – давал возможность переброситься парой слов.

– Слушай, хорошо, что пересеклись... – начал Мацыгин.

– Я очень спешу... – не удержался, чтобы не унижить старшего коллегу Гаспарян.

– Нам надо поговорить! – нервно воскликнул Мацыгин.

Артурчик вскинул глаза. Что-то в тоне знакомого показалось ему необычным. «Что ему нужно?..»

– У меня такое чувство: на рынок надвигается беда... – Мацыгин глубоко затянулся сигаретой.

Глаза Артурчика раскрылись пошире. Даже приблизительно не мог ничего предположить. «А ничего и не может быть...» – тут же пронеслось в голове. – «Что-то он крутит...» Гаспарян был человеком весьма рациональным и жестким...

– В чем она заключается? – молодой бизнесмен холодно посмотрел на Мацыгина.

– Понимаешь, несколько моментов... Во-первых чутье...

Гаспарян с откровенным презрением усмехнулся. Какое еще чутье?! Бред!..

– Во-вторых... Ты работаешь с «Маклинз Консалтинг»?..

– Что они мне?.. Я не очень нуждаюсь в их услугах.

– Значит, не получаешь их отчетов и аналитических справок.

– На всей бирже эту дребедень приобретаешь у них только ты...

– Послушай, Артурчик, мне кажется, когда встретились, у тебя было не очень хорошее настроение. Более того, ты нервничал!.. – пошел в атаку Мацыгин.

– Какое твое дело?! – взорвался Гаспарян. – К рынку не имеет отношения. У всех полно причин нервничать. Может, личное!..

– Этот отчет... – продолжал биржевик. На несколько мгновений сделал паузу. Он знал – Гаспарян, не имея глубоких теоретических познаний в экономической науке, удачно ориентируется лишь в сиюминутных выгодах. Чтобы объяснить ему что-то выходящее за пределы сегодняшнего дня, требуется подобрать простые и доходчивые слова. Они никак не находились. – «Маклинз Консалтинг» отслеживает многие показатели экономики... Сейчас есть новая теория... Ты слышал? Экономических кризисов?

Артурчик неожиданно помрачнел. Мацыгин не рассчитывал добиться успеха с первых фраз.

Просторный холл в здании биржи начал постепенно заполнять народом. Некоторое запустение, связанное с окончанием рабочего дня, сменялось толчеей. В здании было назначено собрание акционеров одной крупной фирмы...

– Что ты хочешь мне сказать?.. Не понимаю!.. Давай поужинаем что ли? – устало предложил Гаспарян и вытащив из кармана черных брюк широкий, отлично отглаженный носовой платок, развернул его и вытер пот со лба.

– Давай... Угощаю!.. А то может скоро произойдет такое... Не то что пожрать в удовольствие... Будешь считать за счастье, если сумеешь вовремя выброситься с двадцатого этажа вниз. Покойники по крайней мере не мучаются.

* * *

Звезды... Млечный путь – действительно как будто размазанная по небу дорожка из молока. Мрачная, пугающая чернота далеких галактик. Пространство космоса, непостижимое для человеческого сознания, бесконечное и в то же время, как утверждают астрономы и физики – замкнутое. Скрученное в восьмерку кольцо, знак беспредельности – мир, в котором никогда не наступает предел, но в то же время конечный...

На борту международной космической станции – совместного проекта России и Соединенных Штатов Америки властвовало над всем странное напряжение.

Как высокопарно выражались в средствах массовой информации, «космическую вахту» внутри нескольких пристыкованных друг к другу модулей нес российско-американский экипаж. Двое космонавтов – Титов и МIRONЕНКО – от Российской Федерации, третий – Джонсон – был родом из маленького городка на тихоокеанском побережье Аляски. Меньше, чем через десять часов к станции должен был подойти и пристыковаться одноразовый корабль «Союз». В нем, помимо необходимых припасов и груза для проведения важного научного эксперимента на орбиту «приехало» еще два человека. Оба – россияне. Самойленко и Вержбицкий.

Встреча с ними уже два раза откладывалась. Тому были важные причины... Сейчас МIRONЕНКО и Джонсон, как мальчишки, прильнувшие носами к окну скорого поезда, смотрели в иллюминатор – маневрировавший «Союз», совсем недавно отдалившийся от станции на приличное расстояние, теперь находился на дистанции в несколько сотен метров.

Титов работал с бортовым компьютером, управлявшим системами жизнедеятельности орбитального комплекса.

МIRONЕНКО оттолкнулся от иллюминатора и продвинулся вглубь отсека. Следом за ним то же самое сделал Джонсон.

– Я категорически против стыковки... – проговорил МIRONЕНКО, приблизившись к Титову.

Тот был в экипаже космической станции главным.

– Все, чем мы располагаем – это подозрения... – устало откликнулся Титов. – И из-за них мы должны выбросить на космический ветер миллиарды рублей?..

– Это не подозрения, а уверенность...

– ЦУП полагает иначе.

Джонсон внимательно вслушивался в разговор, переводя взгляд с одного российского коллеги на другого.

– Ты же знаешь, какие по поводу этого в ЦУПе интриги!.. Для них слишком многое поставлено на карту. В этой игре наша безопасность – ничто!.. За этот день... С первой попытки состыковаться прошло меньше суток, но я... На многое открылись глаза...

– Ты переутомился, тебе надо успокоиться... – ровным голосом, как капризному ребенку, проговорил Титов.

– Я согласен с Андреем! – вступил в разговор Джонсон.

Титов вскинул на него глаза. Джонсон был представителем другой державы. Она тоже участвовала в проекте и мнение Северо-Атлантического Космического Агентства – НАСА – было отнюдь не второстепенным. Титов был уверен – ЦУП тянет с командой на третью попытку состыковаться именно потому, что НАСА думает так же, как Андрей МIRONЕНКО.

– В «Союзе» таится опасность! – с характерным англосаксонским акцентом решительно проговорил Джонсон. – Мы не можем открывать для нее МКС.

– Опасность?!.. – Титов скептически улыбнулся. – В корабле ее не больше, чем вокруг. – он показал пальцем на иллюминатор. – Чем там, во млечном пути... Или там – в Большой Медведице, или в созвездии Скорпиона... Это везде...

– Но внутри «Союза» особенно! – твердо произнес Андрей.

Два раза космический корабль пытались пристыковать к МКС. Оба раза из-за проблем в бортовом компьютере и системе сближения – провально. Во время последней попытки в центр управления по электронной почте поступило письмо. Аноним сообщал: ему стало известно – сбой техники – не случайность, а вредительство. «Предлагаю прекратить стыковку и срочно вернуть космонавтов на Землю».

– Во всех случаях, ты не можешь ни послушаться приказа, ни дезертировать. Здесь некуда деваться. Полагаю, – Титов перевел взгляд на американца. – Сейчас все зависит от консультаций наших и ваших начальников...

Все трое повернулись к иллюминатору. Корабль «Союз» как раз находился ровно напротив круглого окошка космической станции. Матовые бока космического судна были освещены ровным, холодным светом.

– Пошли они все в задницу, козлы! Работать не дают! – выругался командир Титов.

Он не верил во вредительство на корабле. Но все же неприятное чувство существовало и у него в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.